

Научно-издательский центр «Социосфера»
Факультет бизнеса Высшей школы экономики в Праге
Факультет управления Белостокского технического университета
Семипалатинский государственный университет им. Шакарима
Пензенская государственная технологическая академия
Сургутский государственный университет

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы международной научно-практической
конференции 25–26 января 2012 года

Пенза – Прага – Семей
2012

**УДК (477)
ББК 60.5
Р 32**

Р 32 Региональные социогуманитарные исследования. История и современность: материалы международной научно-практической конференции 25–26 января 2012 года. – Пенза – Прага – Семей: Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. – 110 с.

Редакционная коллегия:

Кашпарова Ева, доктор философских наук, научный сотрудник кафедры психологии и социологии управления Высшей школы экономики в Праге.

Коновалов Алексей Петрович, кандидат исторических наук, заслуженный деятель науки Республики Казахстан, директор центра социального мониторинга и прогнозирования Семипалатинского государственного университета им. Шакарима.

Черевач-Филипович Катажина, доктор политологии, заместитель заведующего кафедрой экономики и социальных наук факультета управления Белостокского технического университета.

Бутенко Надежда Алексеевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Сургутского государственного университета.

Дорошин Борис Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Пензенской государственной технологической академии.

В сборнике представлены научные статьи преподавателей вузов, соискателей и аспирантов, в которых рассматриваются вопросы истории отдельных регионов и стран, их этнические, культурные, экономические и социальные особенности. Затрагиваются вопросы историко-культурного туризма, развития музейного дела, государственной и региональной политики, международных отношений.

ISBN 978-5-91990-053-5

**УДК (477)
ББК 60.5**

© Научно-издательский
центр «Социосфера», 2012.
© Коллектив авторов, 2012.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА РЕГИОНОВ

Шахгусейнова С.А.

Археологические исследования как основные источники изучения культуры региона (на материале Азербайджана) 6

Бабийчук Г.В.

Историография археологических исследований Николаевского региона Украины
сквозь призму научных парадигм XX–XXI вв. 11

Лисицына Н.Ф.

Объекты историко-культурного туризма города Старая Русса16

Хорина В.В.

К истории создания Ачинского и Канского городских музеев Енисейской губернии 18

Куликова И.М.

Тюменский север как историко-культурная зона:
к постановке проблемы 27

Бутенко Н.А.

Духовно-мировоззренческий синтез самосознания русских и коренных этносов Севера.....30

Асаийеш А.Г.

Социально-психологические качества личности в составе нравственных ценностей иранского народа..... 33

Иванов Д.В.

Психологические представления П.Я. Чаадаева (анализ милитарной рефлексии) 36

Джумма Т.В.

«Коль мне удастся в край свой возвратиться...»41

Швайко Н.А.

Образ реки Амур в художественной культуре Дальнего Востока 44

Великая Е.В.

Эволюция торговых отношений на Северо-Восточном Кавказе в первой половине XIX века..... 46

Альжаппарова Б.К.

К вопросу о развитии торговли и промыслов в Акмолинском, Атбасарском и Каркаралинском уездах (начало 20 века) 49

Федина И.М.

Казачий вопрос на Кубани в 1930-е годы 54

II. ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Савельев А.И.

Гражданское общество и местное самоуправление
в системе политической коммуникации 59

Безручко О.В., Ямщиков С.В.

Местное самоуправление в Тверской области:
современное состояние и проблемы развития 62

Коновалов А.П.

Распространение коррупции в органах государственной власти
и управления в общественном мнении
(исследования в г. Семей Восточно-Казахстанской области) 66

Артеменков Ф.А.

Актуальные социальные страхи жителей Свердловской области 75

Захаров М.В.

Социально-информационные технологии как основа
поддерживающей коммуникации формирования
социально-политических структур в условиях
региональных избирательных кампаний 78

Карамова Э.Р., Хасанов З.М.

Проблемы модернизации политической системы России 81

Курмаева А.А.

Международные связи субъектов Российской Федерации.
Восточно-Сибирский регион: перспективы развития 82

Федорченко С.В.

Социально-экономическая обусловленность
федеральных округов
как института межрегиональной интеграции 85

Белоусова М.И., Ураев Р.Р.

Анализ рынка труда 87

Белоусова М.И., Хасанов З.М.

Трудовой потенциал муниципального образования 89

Солодова В.А.

Привлечение студенческой молодежи
к участию в инновационной деятельности:
региональные особенности и перспективы 90

Бокарева В.Б.

Социальные технологии совершенствования
структурно-функциональных механизмов
и методов развития малого бизнеса 92

Лемешева Е.М.

Религия в контексте изучения социального потенциала региона 94

Хализева И.С.

Развитие волонтерской деятельности в г. Белгороде:

социологические данные 96

План международных конференций,
проводимых вузами России, Азербайджана, Армении,
Белоруссии, Ирана, Казахстана, Польши, Украины и Чехии
на базе НИЦ «Социосфера» в 2012 году 99

Информация о журнале «Социосфера» 103

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» 108

I. ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА РЕГИОНОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА (НА МАТЕРИАЛЕ АЗЕРБАЙДЖАНА)

С.А. Шахгусейнова

**Азербайджанский государственный университет
культуры и искусства, г. Баку, Азербайджан**

Summary. The article, based on Azerbaijan provides examples of primitive culture style, discovered during archaeological excavations. The items found in the caves of the Paleolithic Dashsalahli, Taglar, Azikh, an ancient human habitat - Kultepe (top of the ashes), are among them. A particular interest is a jaw of Azikh man who lived 300–400 thousands years ago. Also 15 thousands year history of the region – Gobustan which has been added to the list of "World Heritage" by UNESCO.

Key words: primitive culture style; archaeological excavations; Paleolithic age; Azikh; Azikh man; Gobustan.

Археологические исследования и письменные памятники – это два основных источника изучения истории.

Археологические исследования имеют исключительное значение в этом процессе, потому что они как вещественные доказательства, образцы материальной культуры говорят сами о себе. Они позволяют обнаруживать объекты культурного наследия, памятники истории и культуры региона. Полевые работы, инвентаризация археологических памятников и определение объектов культурного наследия – основные направления археологических исследований.

Археология – это часть исторической науки, которая изучает прошлое человечества по вещественным памятникам при помощи специальных методов.

От истории как таковой она отличается тем, что у неё другой основной источник, а именно не письменные памятники, а остатки материальной культуры. Поэтому археология играет особенно важную роль в реконструкции дописьменной истории.

Археологи изучают архаические (т. е. дописьменные) общества по материальным остаткам – поселениям, могильникам, орудиям труда и т. д.

Учитывая, что письменные источники появились только 5000 лет тому назад, на стыке 4–3 тысячелетия до н. э., а человек появился только более двух миллионов лет назад, то несомненно, что период, разделяющий эти даты, изучается именно археологией. Археология непрерывно пополняется новыми материалами. Количество письменных источников ограничено, количество же

вещественных – почти безгранично. Земля хранит в себе неисчерпаемый «архив» вещественных памятников [5, лекция № 1].

Почти во всём мире, в том числе и в Азербайджане, объекты культурного наследия, к числу которых относятся объекты археологического наследия, находятся под охраной государства. Основная цель археологических раскопок и работ «в поле» – сохранение памятников археологии для проведения научно-исследовательской работы.

Азербайджан богат не только природными ресурсами, но и своим историческим наследием. По сей день это подтверждают открытия археологических экспедиций, осуществляющих широкомасштабные раскопки на территории страны. Территория Азербайджана чрезвычайно богата археологическими памятниками, подтверждающими то, что эта страна является одним из самых древних мест поселения человека в мире. На сегодняшний день на территории современного Азербайджана обнаружены многочисленные памятники доисторической эпохи и первобытной культуры, бронзового и железного века, античности и средневековья.

Первые археологические исследования на территории современной Азербайджанской республики стали проводиться в конце XIX – начале XX веков. Предметы, обнаруженные во время археологических раскопок, позволили изучить историю быта и культуры Азербайджана. На основании этнографических материалов, собранных во время экспедиций, были изучены традиции, бытовая и моральная культура, древние формы правления, семейные взаимоотношения и др. В результате проведённых на территории Азербайджана археологических исследований были обнаружены ценные образцы, относящиеся к предметам быта и культуры первых жителей, его населявших, что послужило залогом включения территории Азербайджана в список территорий, на которых происходило формирование человека.

На территории Азербайджана найдены древнейшие археологические и палеонтологические материалы, подтверждающие начало жизни здесь первобытных людей 1,7–1,8 миллиона лет назад.

В начале 50-х гг. началось серьёзное изучение каменного века на территории республики. Обследование пещер в окрестностях Авейдага, в гроте Дамджылы в Казахском р-не выявили первые достоверные палеолитические материалы – каменные изделия, относящиеся к эпохе мустье и позднему палеолиту. Палеолитические материалы были обнаружены в пещерах Дашсалахлы и Таглар.

На основе культуры Карачай в Азербайджане развивалась и составила его вторую стадию культура Ашел. Находки, относящиеся к культуре Ашел, были открыты на стойбищах (лагерях) Лаялы, Аджидере, Шишгузей Казахского района Азербайджана и в других памятниках страны. Однако самые богатые материально-

культурные образцы, относящиеся к культуре Ашел, были открыты в Азыхской пещере. Там широко представлены ранний и средний периоды культуры Ашел.

Ранний Ашел относят к периоду времени от 700–500 тысяч лет до н.э. В прослойках грунта были обнаружены многочисленные каменные изделия (более 2000), останки очагов, кости различных животных, растительная труха (крошки). Среди изделий труда – грубые топоры (для рубки мяса), ложки, режущие инструменты и скребки для теста занимают особое место. Топоры по размерам соответствуют найденным в Олдувое, Убейдие, Терра-Амата.

В 1960 г. началось исследование Азыхской пещеры. Открытие Азыхской пещеры – несомненно, событие эпохальное. Благодаря Азыхской пещере, выявленной куручайской культуре, целому ряду стоянок древнекаменного века, открытых в последнее время, историю Азербайджана можно начинать с эпохи глубокой древности – более миллиона лет назад. Азыхская пещера по геологическому возрасту ранних культурных слоёв является одним из наиболее интересных обиталищ человека и не имеет пока аналогов на территории бывшего СССР. По хронологическому диапазону культурных слоев, охватывающих большую часть первобытной истории человечества, она является единственной в мире. В этой многослойной пещерной стоянке древнего (нижнего) палеолита последовательно представлены галечная культура, аббевиль (ранний ашель), ашель, финальный ашель и ранний мустье [2, с. 18]. Пещера Азых, расположенная вблизи города Физули на высоте 900 м над уровнем моря, относится к горизонтальным сквозным пещерам коридорного типа, общей протяжённостью более 200 м., площадью около 1250 кв. м. В пещере выделяются два входных коридора и пять «залов». В самых нижних слоях Азыхской пещеры обнаружена доашельская, так называемая галечная культура. Эта культура, являющаяся одной из древнейших на планете, по ряду признаков сопоставима с олдувайской в Восточной Африке и валлоневской на юго-востоке Франции. В нижних слоях пещеры обнаружено более трёхсот разных каменных изделий, в т. ч. чопперы, оппинги, примитивные скребла, гигантолиты – грубые орудия весом в 3–5 кг и т. д. Все эти орудия использовались при охоте на диких животных. В пещере обнаружены кости более 40 видов различных животных, на которых охотился наш отдалённейший предок [2, с. 19]. Галечная культура, выявленная в Азыхе, была названа по речушке, проходящей вблизи, гуручайской.

Гуручайская культура была исследована на основе Азыхской пещеры. В жизни первобытных людей здесь большое значение имела река Гуручай, протекающая поблизости от пещеры. Поэтому обнаруженные в 7–10-й прослойках культурно-материальные останки были названы Гуручайской культурой. В период проводимых комплексных исследований были определены несколько этапов разви-

тия Гуручайской культуры. Кроме того, орудия труда, относящиеся к Гуручайской культуре, очень близки комплексу культуры Олдувай Африки.

В 1968 г. группа учёных под руководством М. Гусейнова обнаружила в пещере часть кости нижней челюсти древнего человека, жившего на территории Азербайджана. Учёные определили, что челюсть принадлежала женщине 18–22 лет, которая жила приблизительно 300–400 тысяч лет назад. В челюсти сохранился один зуб, который имел в отличие от зубов современных людей 4 корня. Учёные назвали этого человека «азыхским человеком», а учёные мира считают его 5-й находкой на Земном шаре. Поэтому Азербайджан занесён на карту «Древнейшие жители Европы».

Археологические находки, обнаруженные в пещерах Азых, Таглар, Дамджылы, Дашсалахлы, Газма (Нахичевань), и другие памятники старины, в том числе челюсть Азыхского человека (Азыхантропа) – древнего человека Ашельского периода, проживавшего здесь 300–400 тысяч лет назад, указывают на принадлежность Азербайджана к территориям, на которых происходило формирование первобытных людей: «в пещере Азых (Азербайджан) найдены кострища, а также и камни которые расположены вокруг зольного пятна, что объясняется учёными как ранняя форма очага» [5, лекции Марка Юрьевича Ульянова, лекция № 3].

Археологам Азербайджана удалось обнаружить некоторые памятники мезолита и неолита в Казахском р-не и зоне Гобустана, а также около Гянджи (только неолит).

Очень древнее многоступенчатое место для жилья Кюльтепе (Вершина пепла) находится на равнине близ деревни Бала Бахманлы, в 40 км восточнее от центра города Физули. Во время археологических раскопок на Кюльтепе собраны материально-культурные образцы, относящиеся к периоду от энеолита до средних веков, такие как посуда (окрашенная и простая), наконечники стрел, камни для помолки зёрен и т. д. Находки и исследования показывают, что Кюльтепе в период энеолита и бронзы была большим местом жилья оседлой земледельческой общины, а в средние века была крепостью.

А без Гобустана вообще нельзя представить историю Азербайджана. Гобустанские наскальные изображения – удивительно своеобразная картинная галерея. Гобустанские петроглифы также называют и музеем под открытым небом. Это скалистый массив, расположенный на юго-восточных склонах Больших Кавказских гор, простирается вдоль древней Ширванской, а в настоящее время современной шоссейной дороги, близ Каспийского моря. Здесь обнаружены многочисленные наскальные изображения, расположенные под скалами жилища людей, и могилы в виде курганов. На этих скалах отражена 15-тысячелетняя история региона, т. е. большой

отрезок времени от периода верхнего палеолита до средних веков. Впервые об этих уникальных местах информировал мировую науку в 1939 году прошлого столетия первый исследователь Гобустана археолог Исхаг Джафарзаде.

В горах Гобустана Беюкдаш, Кичикдаш, Джингирдаг, Шонгардаг и Шыхгая сосредоточены свидетельства прошлого людей эпохи каменного века и последующих периодов – наскальные изображения, стоянка человека, надгробные памятники и др. Наиболее значительными из них являются наскальные изображения – петроглифы, высеченные первобытными людьми на стенах пещер, скалах и каменных глыбах. Эти первобытные памятники искусства отображают культуру, хозяйство, мировоззрение, обычаи и традиции древних обитателей этих мест.

Обнаружены были наскальные изображения случайно. В 1930-х годах здесь проводились работы в каменном карьере. Местность была завалена большими каменными глыбами. Во время работ один из рабочих заметил необычные рисунки на скале. Чем больше расчищалась территория, тем больше изображений становились доступными взору. Особенно много рисунков было обнаружено в пещерах. Работы в карьере были остановлены, а о находке сообщили учёным. В 1939 году археолог И. Джафарзаде начал первые археологические исследования петроглифов Гобустана. С тех пор исследования проводятся и по сей день. Усилиями И. Джафарзаде, Дж. Рустамова, Ф. Мурадовой и других археологов было обнаружено более 6 тысяч рисунков на 1000 скалах, древние жилища – пещеры и стоянки, около 40 курганов, более 100 тысяч предметов материальной культуры. Наиболее древние рисунки относятся к эпохе мезолита, однако предполагается, что жизнь существовала здесь и раньше, что позволяет считать Гобустан одной из колыбелей цивилизации. Наскальные изображения Гобустана относятся к разным эпохам и датируются от 10–8 тысячелетий до н. э. до средних веков [6]. По охвату столь большого исторического периода они занимают важное место среди других наскальных коллекций мира. Гобустан находится в номинации списков «Мировое наследие» Юнеско.

Владея всеми достижениями, завоёванными первобытным человеком в области культуры, наши предки создали богатое культурно-духовное наследие. Это подтверждают как обнаруженные на территории Азербайджана в ходе археологических раскопок памятники, так и дошедшие до наших дней образцы устного народного творчества и письменное литературное наследие.

Библиографический список

1. Буниядов З.М., История Азербайджана. Б. 2005.
2. История Азербайджана с древнейших времен до начала XX в. / под ред. чл.-корр. АН Аз-на Игара Алиева. Баку: Элм. 1995. 432 с.

3. Махмудлу Я. и др. История. Б., 2008.
4. URL: <http://www.1news.az/analytics/socium/20110806103000726.html>
5. URL: <http://iskunstvo.info/materials/history/1/pervobytkalekciidop.htm>
6. URL: <http://www.window2baku.com/Ancient/gobustan.htm>

ИСТОРИОГРАФИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НИКОЛАЕВСКОГО РЕГИОНА УКРАИНЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ НАУЧНЫХ ПАРАДИГМ XX–XXI ВВ.

Г.В. Бабийчук

**Николаевский государственный университет
имени В.А. Сухомлинского, г. Николаев, Украина**

Summary. The article describes the ideas and concepts of regional historiography of the XX–XXI centuries archaeological research of Nikolayev through the lens of scientific paradigms.

Key words: historiography; archeology; paradigms.

В историографической краеведческой литературе по археологии нового времени преобладала социальная окраска, доминировала идеологическая составляющая, противоречащая объективности историографической науки и «генеральной линии» настоящих источников с артефактами.

Поэтому *актуальными* стали историографические исследования археологии Николаевского региона Украины через последовательную смену научных парадигм.

Поскольку в развитии историографической региональной археологии сливаются различные направления, то *цель и задачи* статьи состоят в установлении её достоверности, репрезентативности и аутентичности на основании научных парадигм и при сопоставлении объективных мер истинности с созданными концепциями движущих сил прогресса региональной историографии археологической науки Украины.

Объектом исследования является историографическая литература, научные работы, археологические разведки и биографии исследователей-археологов.

Предметом исследования являются научные парадигмы изучения археологических культур, идеи и концепции учёных, историков XX–XXI вв. относительно феномена историографии археологических исследований Николаевского региона в контексте древней истории Украины.

В настоящее время стало традицией посвящать истории археологии не только статьи, но также историографические очерки, которые почти традиционно открывают обобщающие монографии, посвящённые археологическим памятникам. Например, используя

первые письменные историографические источники о городище Ольвия, которая упоминалась в археологических исследованиях графа А.С. Уварова *«Исследования о Древностях Южной России и берегов Черного моря»*, современники не только узнали о её расположении и существующих каменных стенах её укреплений со значительным количеством археологических памятников-поселений, расположенных по реке Южный Буг, но и написали множество историографических научных трудов которые способствовали дальнейшим фундаментальным исследованиям Николаевского региона [11].

Так, в монографии П.А. Карышковского *«Монеты Ольвии»* (1988 г). впервые в отечественной науке прослеживается процесс возникновения, расцвета и упадка денежного обращения в Ольвийском полисе рубежа VII–VI вв. до н. э. – IV в. н. э., показаны особенности денежного обращения в Нижнем Побужье с точки зрения автора, определена роль иностранных и местных монет на всевозможных этапах истории развития Ольвии. В связи с датировками монет, найденных в регионе, затрагиваются вопросы, связанные с монетным делом Ольвийского государства. Кроме того рассматриваются надписи, имеющие данные из истории денежного обращения [5].

Очень ценный историографический материал монографии В.А. Анохина, *«Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья»*, (1989 г.) является продолжением исследований монетного дела античных городов Северного Причерноморья Украины. В дополнение к работам по изучению чеканок Херсонеса Таврического, городов и царей Боспора рассматриваются монеты Ольвии, Керкиниды, Тиры и Никонии. Разработана относительная и абсолютная хронология монетных выпусков, определены денежно-весовые системы, выявлены особенности использования дополнительных элементов монетного типа, изучен ряд исторических аспектов нумизматического материала [1].

Этнологическая парадигма выделяла в качестве основного объекта изучение древних «этносов», отождествляя их с археологическими «культурами».

Например, используя этнографический подход к изучению ранних археологических культур, И.А. Смирнов в статье *«Історико-джерелознавча експозиція Північно-Західного Причорномор'я в XIV–XVII ст.»* в источниковедческой ситуации особой ценностью считал погребальные памятники, датированные монетными находками, которые становятся хронологическими эталонами, корректирующими упомянутые модели. Поскольку без инвентарных захоронений и могильников XIV–XVII вв. золотоординского и более поздних периодов ещё не найдено универсальной методики хронологического определения археологических памятников [10].

В научных трудах В.В. Крутилова, А.И. Смирнова *«Дослідження будівельних комплексів VI ст. до Р.Х.–I ст. Р.Х на ділянці*

«Кліф» *Нижнього міста Ольвії*» рассматривались некоторые проблемы развития фортификации полиса в передгетський и послегетський периоды с обнаруженными остатками подвалов познеклассического-раннеэллинического времени (IV–III вв. до Р. Х.), что позволяет более детально изучить социально-экономическую, этнокультурную историю Ольвии и Северного Причерноморья [6].

В контексте исторических событий, происходивших на землях Николаевского региона, В.В. Рубан сделал аргументированный доклад на международном форуме общества антиковедов «Эйрена» (1976), где ни один скептик не мог возразить научным археологическим фактам. Его публицистический очерк «*Николаев античный*» размещён на страницах газеты «Вечерний Николаев». В нём рассказывается о научном факте открытия фермерских хозяйств в окрестностях Ольвии.

Используя идейно-методологическую направленность, унаследованную от предшественников, некоторые украинские и диаспорные исследователи по истории археологии рассматривали научные разведки как парадигмы-комплексы исходных постулатов и подходов, послуживших основой для развития главных направлений археологических исследований.

Ещё в античную эпоху некоторые авторы пробовали привести многочисленные эмпирические материалы в систему, классифицировать различные народы на основе их хозяйственных и культурных признаков. Однако эти попытки носили в основном мировоззренческий характер и поэтому не достигали поставленных целей.

Современная монография археолога-исследователя В.І. Никитина «*Ф.Т. Камінський – дослідник пам'яток античності Нижнього Побужжя*» привела многочисленные эмпирические материалы в систему, обобщила все открытия, сделанные Ф.Т. Каминским и его инициативным кружком «Друзья музея», поместив *полномасштабную карту* всех когда-либо обнаруженных и сколько-нибудь исследованных памятников античного времени в Нижнем Побужье, изданную в 1990 г. Институтом археологии НАН Украины [7].

К тому же в большой статье И.В. Фабрициус «*К вопросу о топографизации племён Скифии*», на основании картографирования археологических источников сделаны попытки выделить в Скифии отдельные регионы по данным древнегреческого историка и путешественника Геродота. Позже все перечисленные исследования с добавленными к ним собственными наблюдениями И.В. Фабрициус были собраны в основной книге «*Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР*». Итог многолетних экспедиционных и кабинетных исследований подкреплялся разнообразной информацией и сведениями о дореволюционных раскопках и находках более чем 700 археологических объектов. Обе части этого труда с археоло-

гической картой использовались всеми исследователями археологии Северного Причерноморья [12].

Наиболее реалистичным стал каталог-справочник николаевских исследователей *В.Б. Гребенникова, А.А. Бродецкого, С.М. Яценко «Пам'ятки археології Миколаївського району»* (2010), в котором приведены в систему многочисленные эмпирические материалы открытых и исследованных археологами в разные годы археологических памятников. Создан их перечень по каждому сельскому и поселковому совету с идентификационным кодом и точным местом дислокации. А также классифицированы археологические культуры различных народов на основании их хозяйственных и культурных признаков. Помещённые законодательные акты об охране археологических разведок с картой изображённых памятников археологии Николаевского района с иллюстрациями, которые способствуют комплексному восприятию информации для формирования новой исторической мысли [2].

Социоструктурная парадигма с постсоветской идеологией и с подражательными, ориентированными на интеграцию формами стала всё более открытой, основанной на анализе внешних и внутренних структурных отношений в археологических культурах, которые иногда превратно интерпретировались людьми и не соответствовали сложившимся социальным архетипам.

Однако николаевские исследователи *К. Горбенко и Д. Филатов* в статье *«Новые раскопки на городище финальной бронзы «Дикий сад»* доказали, что городище «Дикий сад», размещённое в самом центре современного города Николаева, существовало за 7 веков до Геродота и за полтысячелетия до основания древнегреческими колонистами города-государства Ольвии. Согласно их гипотезы, это был именно тот "город Киммерийский" – современник золотой Трои, о котором упоминал в своей "Илиаде" великий Гомер [3].

К тому же, в творческом труде *«Проблемы культурно-исторической классификации древностей Северо-Западного Причерноморья эпохи поздней бронзы»* *К.В. Горбенко* поднял вопрос культурно-исторической локализации в Степном Побужье археологического памятника-поселения "Дикий Сад" [4].

В научной работе *М.Ю. Ласинской «Археологические памятники Нижнего Побужья в специализированных издания Южной Украины»* содержится логический анализ упорядоченных сведений о памятниках археологии в Николаевском регионе с эволюционно-связанной между собой информацией упомянутой в специализированных изданиях Южной Украины от времени появления таких и до конца XX в.

В этих обзорах содержатся редкостные по ценности материалы, раскрывающие детали хода накопления археологических знаний в Николаевском регионе Украины. В них можно найти также деталь-

ный перечень открытых списков находок, «презентации» взглядов отдельных исследователей, в том числе незаслуженно забытых.

Однако остаются проблемы поиска нового стиля изложения историографии связанного с теоретико-методическими аспектами, поскольку главная идея археологической историографии – дать представление об археологической науке как результате человеческой деятельности.

Библиографический список

1. Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. К., 1989 г.
2. Гребенников В.Б., Бродецкий А. А., Яценко С.М. «Пам'ятки археології Миколаївського району». Миколаїв. 2010. С. 66.
3. Горбенко К.В., Филатов Д.В. Новые раскопки на городище финальной бронзы «Дикий Сад» // Краеведческий альманах. История. Археология. Наука. Культура. Образование. Промышленность. Сельское хозяйство. Николаев: МОИППО. № 1. 102 с. С. 33–43.
4. Горбенко К.В. Проблемы культурно-исторической классификации древностей Северо-Западного Причерноморья эпохи поздней бронзы // Сборник трудов НА УКМА. Николаевский филиал. Том 5. Николаев. С. 13–17.
5. Карышковский П.О., Монеты Ольвии. К., 1988.
6. Крутілов В.В., Смирнов О.І. Дослідження будівельних комплексів VI ст. до Р. Х.–I ст. по Р. Х. на ділянці “Кліф” Нижнього міста Ольвії // Наукові праці. Науково-методичний журнал. МДГ університет ім. Петра Могили комплексу “Києво-Могилянська академія”. Випуск 13. Том 26. Миколаїв. 2003. С. 7–12.
7. Нікітін В. І. Ф. Т. Камінський – дослідник пам'яток античності Нижнього Побужжя // Археологія. 2008. № 4. С. 118–121.
8. Рубан В.В. Комплекс памятников античного времени в урочище Дидова Хата на Бугском лимане // КСИА АН СССР. 1978. Вып. 165. С. 32–36.
9. Рубан В. В. // ВДИ. 1977. № 2. С. 204.
10. Смирнов И.А., Смирнова А.О. Історико-джерелознавча експозиція Південно-Західного Причорномор'я у IX–X ст. Миколаїв. С. 25–26.
11. Уваров А.С. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. Вып. II. СПб, 1856. С. 148, 150–151.
12. Фабрициус И.В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР: АН Украинской ССР. 1951. 150 с.

ОБЪЕКТЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА ГОРОДА СТАРАЯ РУССА

Н.Ф. Лисицына

**Старорусский филиал Санкт-Петербургского государственного
университета сервиса и экономики,
г. Старая Русса, Россия**

Summary. Historical and Cultural Heritage of Russian towns. Objects of Historical and Cultural Tourism of Staraya Russa.

Key words: history; culture; architecture; towns; tourist.

Исторический и культурный туризм не должен ограничиваться знакомством только с достопримечательностями культурных центров страны. В различных регионах России достаточно объектов, интересных в историческом и культурном аспектах, которые можно включать в туристические маршруты.

Город Старая Русса является одним из старейших в России, самое раннее упоминание топонима *Русса* в Новгородской летописи относится к 1167 году. Установленный и доказанный археологией возраст Старой Руссы – около тысячи лет. Город исстари считался крупным центром соляного производства. На протяжении последних столетий стал знаменит своими минеральными водами и лечебной грязью, с 1828 года Старая Русса известна как город-курорт. В Старой Руссе почти восемь лет своей жизни провел Ф.М. Достоевский, свои старорусские впечатления он отразил в романе «Братья Карамазовы».

Старую Руссу с полным правом можно назвать городом-музеем. Современный вид Старой Руссы украшают памятники древнего зодчества. Самым древним каменным храмом Старой Руссы является храм Спаса Преображения. Он входит в ансамбль церквей старорусского Спасо-Преображенского мужского монастыря, основанного в 1192 году в городе Старая Русса. Монастырь был основан монахом Мартирием в конце XII в. В последующие века монастырь неоднократно горел и подвергался разграблению захватчиками, но всегда возрождался и расширял свои владения. К XVII в., после очередного нашествия литовцев и шведов, в монастыре существовали три церкви: Преображения Господня, Сретения и Рождества Христова. Перед октябрьской революцией 1917 года храмовый ансамбль монастыря состоял из четырёх построек: Спасо-Преображенского, Рождественского, Сретенского соборов и церкви чудотворной иконы Божьей Матери, эта церковь была построена специально для иконы, которая является главной святыней города, она была принесена в город православными греками в первые времена христианства на Руси, это одна из красивейших и величественнейших по размерам

православных икон. В настоящее время в зданиях бывшего монастыря размещаются экспозиции Старорусского филиала Новгородского государственного историко-архитектурного заповедника.

Церковь Святой Троицы возведена в 1680–1684 годах на месте древней, сожжённой шведами «в смутное время». С тех пор церковь несколько раз горела и подвергалась ремонту, а к середине XIX в. церковь решили перестроить, автором реконструкции был известный русский архитектор К.А. Тон. Троицкая церковь отличается ярко выраженной симметрией, строгостью и гармоничностью ярусной композиции. Церковь соединила всё лучшее, что встречалось в архитектуре Новгорода и Владимира. В плане она имеет вид квадрата с тремя полукружиями апсид с восточной стороны. Монументальность пятиглавого здания сочетается с декоративностью объёма благодаря постановке четырёх глав на самых углах основного четверика. В 1996 году церковь была передана Русской Православной Церкви.

Воскресенский собор по праву считается символом красоты древнего города Старая Русса. Храм Воскресения Господня основан сравнительно недавно, в начале царствования Петра Великого. Достоверно известно, что здесь бывал Пётр I и молился перед древним образом Покрова Божьей Матери. Посещала храм во время своего пребывания в Старой Руссе и Екатерина II, а также почти все последующие российские императоры и члены их семей. В 1828–1833 годах по ходатайству горожан Воскресенский собор был перестроен по проекту выдающегося русского зодчего В.П. Стасова. Храму были приданы черты русско-византийского стиля, он приобрел торжественный и величественный характер. В 1993 году Воскресенский кафедральный собор был возвращён Русской Православной Церкви.

Подавляющее число памятников архитектуры города погибло в разное время: если по Росписи 1615 года здесь насчитывалось (с ближайшими окрестностями) 36 храмов, то в настоящее время их сохранилось лишь одиннадцать. Однако зодчество крупнейшего после столицы города Новгородской республики весьма интересно, информативно и перспективно в плане исторического и культурного туризма.

Историко-культурный туризм в малых городах России позволит сохранить и развить интерес к истории малой Родины, возродить уважение к деятельности предшественников, к историческому и культурному прошлому страны в целом.

Библиографический список

1. Горбаневский М.В., Емельянова М.И. Улицы Старой Руссы: История в названиях. М.: Патриарший издательско-полиграфический центр, 2010. 352 с.
2. Дымова С.А. Минувшее тебя обступит живо // Старая Русса. 22.04. 1997.

3. Ядрышников В.А. Архитектура Старой Руссы XII-начала XX века. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. 408 с.

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ АЧИНСКОГО И КАНСКОГО ГОРОДСКИХ МУЗЕЕВ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

В.В. Хорина

**Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева,
г. Красноярск, Россия**

Summary. The Achinsk municipal museum in Yenisey province was founded in 1887. The founder of this museum – D.S. Kargopolov – was the teacher, the member of Krasnoyarsk section of Russian Geographic Society and the real member of Yenisey Province Statistic Committee. D.S. Kargopolov was founder the Kansk municipal museum also (in 1912).

Key words: yenisey province; investigation of the Yenisey province; D.S. Kargopolov; Achinsk municipal library; Achinsk municipal museum; Kansk municipal museum.

Об учителе Дмитрие Семёновиче Каргополове сохранилось очень мало архивных данных, воспоминаний и документов, утерян и его личный архив. А между тем этот человек, как никто другой, заслуживает памяти и искренней благодарности. Он принадлежал к той когорте провинциальных подвижников, которые собственными невеликими силами просвещали местное население, исследовали и изучали территорию родного края, закладывая основы будущей сибирской науки.

Д.С. Каргополов родился в 1858 г. в казачьей семье, проживавшей в Минусинском округе Енисейской губернии. После успешного окончания Красноярской учительской семинарии в 1880 г. он был назначен учителем искусств Красноярского уездного училища, а в 1882 г. переведён учителем II класса в Красноярское ремесленное училище Т.И. Щёголевой. В 1885 г. Дмитрий Семёнович был направлен преподавать арифметику и геометрию в Ачинское уездное училище [ГАКК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 506].

Те, кто знал Каргополова, отмечали, что он был хорошим учителем. Его уроки не ограничивались стенами класса, а носили исследовательский характер. Много троп и дорог было пройдено им вместе с учениками для изучения истории, биологии, географии родного города. К краеведению у Д.С. Каргополова было особое отношение. Ещё будучи студентом, в 1877 г., он присутствовал на открытии Минусинского музея (вскоре ставшего известным не только в России, но и за границей), став почитателем его основателя Н.М. Мартыанова и горячо заболел идеей краеведческих музеев. Приехав в Ачинск, он задался целью основать здесь музей.

Но, чтобы осуществить эту мечту, нужно было сначала подготовить почву. Музей – дело новое. Поймут ли его надобность господа ачинские купцы, выделяют ли средства? Их нужно было заинтересовать, и поэтому Каргополов вместе со своими учениками начал сбор материала по древней истории Ачинского уезда, его этнографии и природоведению. Это и были первые экспонаты, которые чуть позже положат начало музею.

Дмитрий Семёнович действовал практически в одиночку, но всегда ощущал поддержку Н.М. Мартьянова, с которым переписывался, используя в работе его богатый опыт, а также своего учителя и друга И.Т. Савенкова – директора Красноярской учительской семинарии и известного археолога, первооткрывателя палеолита на Енисее.

Для изучения краеведческого материала, конечно, была необходима литература. Пока часть собранных экспонатов и книг хранилась в доме самого Каргополова, часть – в классе училища, как наглядные пособия. И у Дмитрия Семёновича возникла мысль сначала организовать городскую библиотеку, а потом открыть при ней музей. Книги, газеты и журналы в Ачинске выписывались и читались, училище тоже выделяло некоторые средства на приобретение литературы. Да и местные купцы согласились пожертвовать кое-какие суммы на благое дело.

Чтобы получить дополнительную поддержку, Каргополов написал письмо известному меценату Александру Михайловичу Сибирякову. На это письмо ответил брат мецената – Иннокентий Михайлович. Он пообещал, что если ачинская городская дума всё же согласится открыть библиотеку, то он пожертвует на неё 1000 рублей. 20 марта 1887 г. Д.С. Каргополов подал заявление на имя ачинского городского головы на открытие общественной библиотеки. 22 марта ачинская городская дума приняла по этому вопросу положительное решение. Распорядителем библиотеки был назначен сам Д.С. Каргополов. 5 мая 1887 г. разрешение на открытие библиотеки дал енисейский губернатор [ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 2417].

Торжественное открытие Ачинской городской библиотеки 8 сентября 1887 г. состоялось при большом стечении народа. На церемонии открытия городской голова И.Ф. Тонков и сам Д.С. Каргополов произнесли речи «о пользе местных библиотек и музеев для умственного развития общества и его нравственного состояния». На момент открытия библиотека имела 1042 названия книг и журналов в 1339 томах [Вост. обозрение. 1887. № 41, 45].

После получения согласия городской думы на открытие библиотеки Каргополов сразу же стал добиваться создания при ней музея, и его усилия увенчались успехом. Пожалуй, это был единственный случай, когда музей был открыт при библиотеке, а не наоборот. О Дмитрии Семёновиче и Ачинском музее ссыльный народник, известный учёный-этнограф Д.А. Клеменц писал в 1888 г.: «Не велик город

Ачинск, не блестящи его денежные средства, но по примеру Минусинска он не отказался от содержания музея за свой счёт. Руководителем музея является учитель уездного училища Каргополов, раньше доставлявший коллекции для Минусинского музея. <...> Ни досуга, ни богатой библиотеки, ни специального образования по естествознанию у него не было, но зато были и имеются в наличии другие, более дорогие качества – любовь к науке, трудолюбие и добрая воля. Нашлись добрые люди, которые посодействовали открытию музея. Н.М. Мартьянов помог новому начинанию и советом, и делом, и теперь маленький Ачинский музей уже существует, и если он пойдёт вперёд так, как начал, то через год, через два местному исследователю нужно будет считаться с этим складом материалов для изучения местности. <...> Господин Каргополов не упускает ни одного случая, где он может извлечь пользу для музея» [8, с. 57–59]. Весьма высокая оценка специалиста!

В «Уставе городской библиотеки в г. Ачинске и состоящего при ней музея» музею уделено несколько параграфов: «§ 33. Музей при библиотеке служит для знакомства с Ачинским округом во всех отношениях. § 34. При музее ведутся каталоги имеющихся коллекций, поступающих предметов и приходно-расходная кассовая книга. <...> § 37. Для работ по классификации имеемых коллекций, определению их и приведению в порядок Комитет (библиотеки – В.Х.) поручает заведующему музеем по его усмотрению или по решению Комитета допускать лиц, заслуживающих доверие Комитета и заявивших себя компетентными в известных отраслях наук. § 38. Средства содержания музея отчисляются от общих библиотечных сумм по мере надобности и в таком количестве, которым библиотека может располагать не в ущерб себе» [ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 6792. Л. 42].

Сначала музей втиснули в одно помещение с библиотекой, которая сама находилась в здании городского общественного управления. В углу читального зала поставили 2-3 шкафа и несколько витрин, в которых и находились археологические, геологические и зоологические экспонаты. В 1908 г., в связи с постройкой нового здания городской управы, туда были переведены и библиотека с музеем, здесь для них было, наконец, отведено 3 комнаты – одна для музея, две для библиотеки [9, с. 3].

В своей заметке в «Известиях ВСОИРГО» Д.А. Клеменц перечисляет экспонаты музея, имевшиеся в нём в первый год после открытия: «Коллекции не обширны, но не лишены интереса. Здесь имеются образцы всех горных пород окрестностей Ачинска <...>. Интересны коллекции отпечатков рыб и чешуй рыбных из с. Николаевского, Медведское тоже. Хранитель музея решил послать лучшие экземпляры в С.-Петербург, академику Ф.Б. Шмидту и просил меня составить краткое описание окрестностей Медведского, что я и исполнил. Таким образом, маленькое местное предприятие уже оказало пользу не только местным жителям, но и науке вообще. Затем

собрана довольно порядочная коллекция костей послеплиоценовых млекопитающих с рр. Тюхтетки и Чулыма. Между костями интересна хорошо сохранившаяся нижняя челюсть мамонта с зубами. Зоологический музей представлен коллекцией птиц из 50 видов, коллекция насекомых не велика. Археологическая и этнографическая коллекции в зачатке ещё и понятно почему – и то, и другое надобно приобретать на деньги, а средства музея микроскопические. Отдел местных и домашних производств представлен пока только образцами ткацких работ из Ужурской волости, – модель ткацкого станка, пряжа, полотно. <...> Сельское хозяйство представлено пока лишь образцами хлебов. <...> Немного, конечно, всего, но для начала более достаточно» [8, с. 58–59].

Для первого года существования музея этого, действительно, было более чем достаточно. Тем более, все материалы для него Д.С. Каргополов собирал лично, исходя в долгие походы по окрестности Ачинска вместе с учениками. Например, летом 1887 г., организовав экскурсию в деревню Симоново, он собрал коллекцию отпечатков миоценовых растений (которых в стране в это время было всего 3: в Российской Академии наук, в Минусинском музее и в Ачинском), а также раскопал один из курганов в окрестностях Ачинска. По некоторым свидетельствам, Каргополов был первым, кто исследовал многослойную Айдашинскую пещеру. Увы, но те первые археологические коллекции в Ачинском музее не сохранились, и документальных свидетельств об этом периоде почти не осталось [3, с. 153; 6, с. 34; 9, с. 5].

В 1888 г. Дмитрий Семёнович Каргополов был переведён из Ачинска в с. Аскиз Минусинского уезда на должность заведующего 2-классным сельским училищем [ГАКК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 506]. После его отъезда Ачинская библиотека практически застыла в своём развитии. В № 10 за 1893 год газеты «Восточное обозрение» появилась заметка: «... Открытая в 1887 г., Ачинская библиотека почти не росла и не развивалась, влача жалкое существование, и в прошлом году чуть не прекратила свою деятельность».

В этой же заметке упоминалось, что: «При библиотеке находится немало предметов далёкой древности: орудий медного и каменного века, костей допотопных животных, монет, разных естественно-исторических коллекций и много другого. Всё это не описано, не определено, находится в беспорядке и ждёт опытного человека, который бы определил, оценил и классифицировал все эти предметы, положив, таким образом, начало музею». Автор даже не знал о том, что музей уже официально существует.

Каргополова уже более 4 лет не было в городе, и о его музее никому было заботиться, – в Ачинске не нашлось такого же увлечённого человека. Всё тот же Клеменц писал: «Пример Каргополова достаточно показывает, что главное здесь – вера в дело и любовь к

нему, что полезен и интересен материал, собранный неспециалистом, если он собран аккуратно, а в собирателях и сотрудниках у Каргополова не было недостатка, – помогать начали ему, начиная от мальчиков-школьников и оканчивая местным исправником. Если теперь, после отъезда Каргополова, об Ачинском музее мало слышно, то подобному явлению удивляться нечего: и в крупных учреждениях бывают периоды застоя в деятельности, но периоды могут сменяться более оживлёнными, лишь бы только само учреждение существовало» [7, с. 30].

Оказалось, что и библиотека, и музей держались исключительно на энтузиазме одного человека, который, прожив в городе каких-то 3 года, сумел заразить своими идеями множество соприкасавшихся с ним людей. С его же отъездом внезапно иссякли и идеи, и энергия. И если библиотека всё же продолжала худо-бедно существовать и работать, благодаря усилиям нескольких местных деятелей, то музей практически приостановил свою работу вплоть до 1925 г., когда по инициативе председателя Ачинского окрисполкома Я.А. Аверьянова все его экспонаты были перенесены из здания бывшей городской управы в нижний этаж здания городского театра и размещены в двух смежных просторных залах с комнатой для занятий. На тот момент в нём насчитывалось 12 коллекций (орнитологических, зоологических, минералогических, палеонтологических, археологических), включавших в себя 698 экспонатов. Музей был вновь открыт для широких масс, получив наименование «Ачинский окружной музей краеведения».

В начале 1927 г., после Сибирского съезда научно-исследовательских работников, состоявшегося в Новосибирске, он стал называться «Музей Причулымского края». В 1929 г. его сотрудниками – А.В. Блуменау и Е.П. Чернявским – была проведена перерегистрация всех отделов, приведены в порядок коллекции, заведены инвентарные книги и картотеки. С 1925 по 1932 гг. в результате летних экспедиций, экскурсий и исследовательских работ сотрудники музея, при помощи местных учителей-краеведов и их учеников, пополнили его коллекции почти на 8 тыс. экспонатов. Особенно быстро росли минералогическая и археологическая коллекции [9, с. 5–6].

Музей посещало от 13 до 25 тысяч человек ежегодно. Сотрудники проводили экскурсии (школьные, красноармейские, колхозные и другие), устраивали выставки (художественные, исторические – посвящённые событиям революции, гражданской войны и коллективизации в Сибири, археологические, минералогические, сельскохозяйственные и т. д.), в том числе передвижные. При музее организовывались беседы, лекции и научные доклады по актуальным вопросам экономики края, о перестройке быта и возможности использования имеющихся естественных факторов для социалистической реконструкции края и т.д. [9, с. 8–10]

В дни скромного празднования 5-летия советского Причулымского музея (и 42-летия со дня основания Ачинского городского музея) его сотрудники получили целый ряд поздравительных телеграмм со всего Советского Союза с пожеланиями дальнейшей плодотворной деятельности на пользу социалистического строительства [9, с. 15]. Музей, созданный скромным учителем Д.С. Каргополовым, получил «второе дыхание».

Как же сложилась дальнейшая судьба самого Дмитрия Семёновича?

В 1888 г. ему было 30 лет, он жил сельской жизнью в Аскизе вместе с женой и четырьмя детьми. Здесь он тоже попытался создать музей, стал собирать экспонаты, но в селе открыть его оказалось гораздо сложнее, и семья Каргополовых жила в окружении музейных предметов.

В 1889 г. И.Т. Савенков рекомендовал Каргополова на должность учителя приготовительного класса при Красноярской губернской гимназии, и с 1 сентября он приступил к исправлению этой должности. По приезду в Красноярск Дмитрий Семёнович скоро вошёл в круг людей, изучающих Енисейскую губернию, включился в работу губернского статистического комитета, и в 1891 г. стал его действительным членом. Возможно, во время службы в Красноярске Д.С. Каргополов сотрудничал и с Красноярским музеем, но сведений об этом нет.

В 1898 г. Дмитрий Семёнович был назначен штатным смотрителем Енисейского уездного училища, а в связи с преобразованием его в 1899 г. в 3-классное городское училище — учителем-инспектором [ГАКК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 506]. Скорей всего, он был знаком с А.И. Кытмановым — основателем Енисейского музея, — вряд ли, будучи приверженцем идеи краеведческих музеев, страстным собирателем научных коллекций, и к тому же членом губернского статистического комитета, он ни разу не заглянул к нему.

23 декабря 1902 г. Д.С. Каргополов уволился в отставку — стало подводить здоровье. А вскоре последовал удар судьбы: умер его главный друг и помощник — жена Лидия Константиновна. И вновь Каргополова поддержал И.Т. Савенков. С его помощью Дмитрий Семёнович вернулся в Красноярск. В 1907 г. он был принят на должность учителя Красноярского городского 4-классного училища [ГАКК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 889. Л. 7, 12-13]. В Красноярске Каргополов вступил в члены Красноярского подотдела РГО, а в 1911 г. вошёл в его распорядительный комитет.

Содержать и воспитывать четверых детей одинокому мужчине на зарплату учителя было трудно. И вскоре Дмитрий Семёнович женился на учительнице Александре Семёновне Прилуцкой, взявшей на себя заботу о его детях и о нём самом. Александра Семёновна была моложе на 16 лет, у неё был сын Владимир. Брак оказался

счастливым, и в 1909 г. у четы Каргополовых родился сын Иннокентий – шестой ребёнок в семье.

Заинтересованный в судьбе Каргополова И.Т. Савенков рекомендует ему взять новое назначение по службе – в Канск. Канск был центром огромного неизученного округа, а музея здесь не было. Каргополов подал заявку в Инспекцию народных училищ и в 1912 г. получил назначение инспектором в Канское 4-классное городское училище [ГАКК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 889. Л. 5]. Едва переехав, Дмитрий Семёнович поднял перед местными властями вопрос о создании музея. Канская городская дума выразила своё сочувствие к этому делу, но только этим и ограничилась. Понимание же Каргополов, как обычно, нашёл среди коллег и учеников.

Летом 1913 г. Дмитрий Семёнович вместе с учениками городского училища начал сбор предметов археологии на стоянках, расположенных в окрестностях Канска. Так были найдены каменные наконечники стрел, скребки, каменные топоры, фрагменты глиняной посуды и т. д. [4, с. 159]

В газете «Отклики Сибири» в 1914 г. вышла сочувственная заметка об усилиях Каргополова по организации музея: «В городе ещё нет музея, но уже имеются его зачатки в квартире инспектора городского училища Каргополова: 1) коллекция монет, пожертвованная местными купцами, 2) археологические находки: наконечники стрел, скребки, осколки керамики с орнаментом, найденные около Долгого озера в 5 верстах от Канска и по правому берегу Кана; каменные лезвия топоров, найденные в окрестностях Канска; стрелы, кинжалы, кольца железного века и бронзового века; 20–30 костей мамонта и других вымерших животных; 3) несколько витрин с естественнонаучными коллекциями – коллекция растений окрестностей Канска, окаменелости из Канского уезда, чучела птиц и животных, коллекции бабочек и насекомых – вредителей сельского хозяйства. Имеется маленькая библиотека, пожертвованная Красноярским отделом Русского географического общества. Но нет памятников по этнографии, предметов сельскохозяйственного и промышленного быта местного населения, а между тем уезд представляет большой интерес в этом смысле <...>. Экспонаты, в основном, находятся в различных свёртках и ящичках. Для организации настоящего музея нет средств, здесь недостаточно частной инициативы. Городское управление должно хотя бы найти специальное помещение для музея. Тогда музей мог бы обратиться за помощью работой и средствами ко всем интеллигентным силам уезда и организовать охрану ценных в археологическом отношении местностей, которые расхищаются (курганы-могилы раскапываются, вещи из них продаются). Тогда музей будет нести культурную миссию перед населением, особенно учащимися <...>. Пока же музей явно стесняет Каргополова,

хотя он и любезно предоставляет возможность каждому осматривать всё имеющееся в его квартире» [Отклики Сибири. 1914. № 116].

В годы Первой мировой войны с Каргополовым сотрудничали пленные австрийские учёные Г.К. Мергарт и Р. Эксендорф, а также бывший студент Будапештской художественной академии Конрад. Для них были выписаны пропуска из лагеря и разрешения для экскурсий в окрестностях города. Мергарт привёл в порядок археологические коллекции неолитического периода и, вместе с Эксендорфом, обследовал стоянки первобытного человека (Каргополов как раз незадолго до этого открыл древнее городище у оз. Долгое, к западу от Канска, где находилось также около 50 курганов). Конрад изготовил из папье-маше модели некоторых животных и сцену из жизни людей эпохи палеолита. [ГАКК. Ф. 794. Оп. 1. Д. 4. Л. 73–74].

Но о музее, как таковом, не приходилось говорить и в 1918 г. Семья Каргополовых всё так же жила среди экспонатов, которые занимали всю квартиру, в которой из обстановки были только железные кровати и стол. Всё, что зарабатывала семья (старший сын Каргополова – Игнатий, тоже стал учителем), уходило на новые приобретения для музея. Никаких вещей «для себя» почти не покупалось [1, с. 28].

При каждом удобном случае Дмитрий Семёнович отправлялся на экскурсии и экспедиции по окрестностям Канска. В сентябре 1921 г. он ездил в район проживания камасинцев, уже тогда малочисленного народа, жившего в окружении «степных» тюркских народов, но говорящего на «таёжном» самодийском наречии. В своём отчёте Каргополов подробно зафиксировал черты традиционной культуры камасинцев, их внешний облик, хозяйство, домашнюю обстановку, способы охоты, промыслы и т. д. Кроме того, он начал изучение их языка, записав большое количество имён существительных, глаголов, местоимений и прилагательных, а также 6 камасинских сказок (2 на самодийском и 4 на русском языке).

В конце отчёта по камасинцам Дмитрий Семёнович писал о том, что планирует ещё раз побывать в местах расселения этого народа, – проверить данные, полученные в экспедиции 1921 г. Он собирался провести ещё целый ряд экскурсий для сбора археологических коллекций в окрестностях Канска, а также для описания курганов и городищ на р. Курыш. Однако смерть помешала осуществлению его планов [2, с. 24–2–7; 5, с. 21–22].

Д.С. Каргополов умер внезапно, от кровоизлияния в мозг. Хоронил его в крещенский морозный день весь город. Это случилось в самом начале 1923 г. По многим воспоминаниям жителей Канска, он был очень добрым человеком, его все любили. И учеников у него было – весь город.

После смерти своего создателя Канский музей, как и Ачинский, застыл в развитии. О состоянии дел в музее можно судить хотя бы по тому факту, что именно в это время (1923–1925 гг.) было уте-

ряно большинство материалов исследований Каргополова и его личный архив. Положение стало меняться в лучшую сторону только после того, как в 1926 г. было создано Канское общество краеведения [4, с. 160–161].

Такова судьба Дмитрия Семёновича Каргополова – простого учителя, основавшего библиотеку и два городских музея (из пяти, появившихся в Енисейской губернии в дореволюционный период), которые действуют и в настоящее время, почти через столетие после его смерти. И поэтому тем более странно и удивительно, что долгое время о Каргополове почти не вспоминали и не писали. Многие моменты биографии этого выдающегося человека до сих пор не исследовались или остаются малоизвестными.

Библиографический список

1. Аникина Т.Г. К портрету первого директора Ачинской городской библиотеки // Библиотеки Красноярского края: страницы истории. Вып. 1. Красноярск, 2008. С. 28–29.
2. Баташев М.С. Неизвестные страницы истории изучения камасинцев // Енисейская провинция. Вып. 1. Красноярск, 2004. С. 23–33.
3. Вдовин А.С. Археология в Ачинском краеведческом музее в начале XX вв. // Древности Приенисейской Сибири. Вып. 4. Красноярск, 2005. С. 153–158.
4. Вдовин А.С. Археология в Канском краеведческом музее в начале XX вв. // Древности Приенисейской Сибири. Вып. 4. Красноярск, 2005. С. 159–162.
5. Демина М.Н., Баташев М.С., Вдовин А.С. Каргополов Д.С. – основатель Ачинского и Канского музеев // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока. Омск, 2002. С. 20–22.
6. Каргополов Д.С. Пещеры близ Ачинска (письмо из Ачинска от 6 октября 1888 г.) // Известия ВСОИРГО. 1889. Т. 20. Вып. 1–2. С. 34.
7. Клеменц Д.А. Местные музеи и их значение в провинциальной жизни // Сибирский сборник. 1882. Вып. 2. С. 1–35.
8. Клеменц Д.А. Предварительные сведения о путешествии в Ачинский и Канский округ // Известия ВСОИРГО. Т. XX. Вып. 1. 1888. С. 57–59.
9. Чернявский П.Е. История и развитие музея Причулымского края // Причулымский край: сборник трудов музея. Т. 1, вып. 1. Ачинск, 1932. С. 3–16.

ТЮМЕНСКИЙ СЕВЕР КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ЗОНА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

И.М. Куликова

Сургутский государственный университет, г. Сургут, Россия

Summary. In the article a question is put about possibility of selection of Tyumen's North as an independent history-cultural area. An author bases this position on methodology, developed modern regionology. A region of Tyumen's North is a specific history-cultural area which was folded within the framework of certain territory, has general lines in material-practical activity, in mentality and to which inherently certain «we-consciousness».

Key words: region; history-cultural area; self-identification of territorial community; mezozone.

С конца XX в. многостороннее изучение регионов начало осуществляться в рамках регионалистики (регионологии), которая оперирует итоговыми, обобщёнными результатами специализированных исследований, выполненных отраслевыми науками (археологией, антропологией, искусствоведением, историей, лингвистикой, фольклористикой, этнографией и др.). Теоретическими основаниями исследований региональных культур занимаются такие исследователи, как Г.А. Аванесова, О.Н. Астафьева, И.А. Левяш, Л.М. Мосолова и др. Научно-обоснованную методологию изучения регионов предложили А.С. Герд и Г.С. Лебедев [4].

В философско-культурологическом отношении регион может быть определён как «культурно-цивилизационная территориальная целостность существенных, устойчивых и динамичных признаков жизнедеятельности людей», феномен которого «выявляется в идейной, ментальной и практической самоидентификации определённой территориальной общности, в её самосознании в качестве совокупного, относительно самостоятельного субъекта» [1, с. 294]. В качестве специализированного эквивалента понятия **регион** А.С. Герд и Г.С. Лебедев вводят понятие историко-культурной зоны (ИКЗ) как операционного термина теоретико-методологического аппарата регионалистики. С их точки зрения, ИКЗ позволяет исследовать определённое ареальное единство данных археологии, этнографии, языкознания, антропологии, истории, географии, геологии, филологии и других гуманитарных наук. Они рассматривают ИКЗ как многофакторные величины, постепенно складывающиеся на определённой территории. Специфика этих зон определяется взаимодействием физико-географических, климатических, демографических и собственно этнографических факторов [4, с. 8]. ИКЗ обладают высокой степенью устойчивости. Несмотря на то, что на протяжении длительного времени на конкретной территории могут меняться эт-

носы, языки, общественные отношения, формы художественного творчества, способы хозяйственной деятельности, цивилизационные основы, эти территории «сохраняют более или менее постоянные очертания, близкие к исходным» (размеры, границы, имена, топонимические обозначения и пр.). В соответствии с этим тезисом каждая новая этническая трансформация не отвергает полностью существовавшую ранее культуру, а вписывается, постепенно вращается в неё, сохраняя устойчивые характеристики региона, который с течением времени обретает всё большую стабильность и оформленность своего ареала, отчётливость структуры, плотность коммуникаций, иерархию местных центров [4, с. 9]. Л.М. Мосолова подчёркивает, что в диахроническом и синхроническом плане регион выступает как мультикультурное пространство, в котором сосуществуют или взаимодействуют несколько культур. Актуальной задачей культурологии, по утверждению учёного, является «синтетическое исследование крупных историко-культурных зон или макрорегионов России, выявление многосторонне-целостного способа совместной жизни и деятельности людей на этой территории» [2, с. 16].

В мировой практике используются разные критерии выделения регионов. Российские исследователи считают, что регионализация культурного пространства должна исходить из историко-культурных критериев структурирования территории России и строиться на разных масштабах: на макро-, мезо- или микроуровне [3, с. 15]. Так, Л.М. Мосолова утверждает, что в рамках мезоуровневого культурологического подхода в качестве крупных историко-культурных зон в современной России можно выделить Федеральные округа, которые являются теми ареалами, в которых веками складывались локальные культурные особенности. Внутри этих крупных регионов существуют менее масштабные этнокультурные общности, также характеризующиеся целостностью относительно устойчивых и динамичных признаков жизнедеятельности людей. Такие общности могут быть определены как субрегионы [3, с. 14].

Позволим себе не согласиться с утверждением, что официально выделенные Федеральные округа являются мезоуровневыми ИКЗ. Здесь есть некоторые сомнения в отношении прежде всего таких зон, как Уральский и Сибирский округа, слишком больших по территории и много- и разнообразных в культурном плане. Несовпадение административных регионов и ИКЗ косвенно подтверждено выделением восьмого Федерального округа. На мезоуровне, с нашей точки зрения, следует выделять собственно региональные типы культур, то есть те историко-культурные ареалы, которые определены исследователем как субрегионы.

К числу таких региональных культурных общностей, постепенно складывавшихся в определённом географическом ареале, в условиях конкретного климата и ландшафта и на протяжении долгого истори-

ческого времени связанных хозяйственными, собственно этнографическими, культурными и иными факторами, относится Тюменский Север, административно разделённый сегодня на два автономных округа – Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий. Выделение Тюменского Севера как историко-культурной зоны возможно на основании данных археологии, этнографии, истории, географии, фольклористики, языкознания и других наук. Региональный вариант культуры характеризуется такими показателями, как физико-географические, климатические условия, природные особенности; общие элементы материальной культуры (форма одежды, типы жилищ; сосуды, оружие и т. д.); топонимика; выделение особой уральской расы в пользу антропологического единства древнего населения; общая самодийско-угорская языковая группа; этногенез и этническая история региона; этносы, их культуры и их трансформация; инокультурные влияния (гуннов, иранцев и др.); проникновение русского населения на территорию и характер влияния русской культуры; особенности социума; формирование средневековых обществ, городов и «городков»; типы духовной культуры, ментальные аспекты (мифология, культы, базовая аксиология, и т. п.), религиозных представления; типологические явления в художественной культуре и др. Освоение залежей нефти и газа значительно изменило характер развития местной культуры и способствовало формированию мультикультурной общности в связи с притоком на эту территорию представителей разных культур. Местные этнические культуры можно рассматривать как локальные по отношению к общему типу культуры Тюменского Севера. Юг Тюменской области, скорее всего, будет входить в другую ИКЗ, связанную с Новосибирской и Томской областями, и только отчасти (в своей северной границе) может быть отнесён к Северу.

Таким образом, Тюменский Север можно рассматривать как специфическую историко-культурную зону, в которой складываются и взаимодействуют социальные общности как совокупные и относительно самостоятельные субъекты культурной деятельности, имеющие общие черты в материально-практической деятельности, в ментальности, в наличии определённого «мы-сознания».

Библиографический список

1. Левяш И.Я. Культурология. Минск: Тетра система, 1998. 554 с.
2. Мосолова Л.М. Историография XX века о глобальном и региональном в развитии культуры / Регионы России: социокультурные контексты художественных процессов Нового и Новейшего времени: сб.н.тр. СПб: Астерион, 2002. С. 6–16.
3. Мосолова Л.М. Теоретические основания исследования истории культуры регионов России / Истоки региональных культур России: сб.н.ст. СПб: Изд-во РГПУ им.А.И. Герцена, 2000. С.4–15.

4. Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон / ред. А.Г. Герд, Г.С. Лебедев. СПб: изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 392 с.

ДУХОВНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ СИНТЕЗ САМОСОЗНАНИЯ РУССКИХ И КОРЕННЫХ ЭТНОСОВ СЕВЕРА

Н. А. Бутенко

Сургутский государственный университет,
г. Сургут, ХМАО-Югра, Россия

Summary. Article is devoted research of interrelation of ethnic consciousness of Russian ethnos and radical northern people. The author considers influence of paganism and Orthodoxy on world outlook level of ethnic consciousness. It is noticed that in the Euroasian community of the people of Russia throughout centuries there was a complementary character of interrelations of ethnoses.

Key words: ethnic consciousness, radical northern people, paganism, Orthodoxy.

Формирование русского этнического самосознания берёт начало, если использовать культурно-исторические критерии, с дохристианского периода, наследие которого в форме так называемого «язычества» сохранилось до сегодняшних дней. В языческих корнях русского самосознания особенно ясно просматривается близость с самосознаниями других российских народов, так как все они в не меньшей, а чаще всего – в большей степени сохранили наследие язычества. А некоторые народы до сегодняшнего дня остаются «языческими». Например, у коренных малочисленных народов Севера, как в прошлом, так и поныне распространён шаманизм, который играл и играет большую роль в самосознании аборигенов Севера. «Языческие» верования основываются на близости коренных народов с природой, их гармонии с окружающей средой. Дисгармонии в отношениях с природой, вносимые современной технологической цивилизацией, переживаются представителями этих этносов особенно остро.

На уровне подсознательного сформировались «архетипы» (по К. Юнгу), т. е. мировоззренческие элементы содержания сознания, присутствующие самосознанию всех народов мира, отражающие саму принадлежность к роду человеческому. Они отражаются в мифологии, в народном эпосе, в русских сказках, былинах. Следы языческих верований просматриваются во многих обрядовых песнях и ритуалах: коляды, масленица, семик или русалья (летнее солнцестояние) [4, с. 272]. Для язычников был очень важен аграрный аспект жизнедеятельности: выражения, в которых почитается «мать-сыра земля», «матушка-земля», имеют важное символическое значение.

В настоящее время в районах Севера, где проживают совместно русские и аборигенное население, и у тех, и у других существуют формы «двоеверия», т. е. религиозного и атеистического самосознания, сложившиеся в результате межэтнических взаимодействий. Так, с одной стороны, заметная доля (11,8 %), аборигенного населения является православно верующей, а еще более значительная его часть (17,4 %), придерживаются одновременно и традиционных верований своих народностей, и православной веры. С другой стороны, определённая доля (6,5 %) русских так же наряду с приверженностью православию придерживается и «языческих» верований. Незначительное, правда, число (2,6 %) местных русских, придерживаются даже только традиционных верований северных народностей [5, с. 142].

Бесспорно, православие значительно изменило самосознание русских. Сострадание и терпение становятся главными проявлениями христианского чувства. С православием у русского народа возникает и идея мессианства, которая прошла через «всю русскую историю вплоть до коммунизма» [3, с. 49]. Конечно, язычество не имело шансов противостоять христианству, так как последнее представляло более развитую цивилизацию. Тем не менее в самосознании русских на протяжении всей истории продолжали существовать эти две формы мировоззрения: православная (религиозная) и языческая (атеистическая).

В евразийском сообществе народов России на протяжении веков складывался комплиментарный характер взаимосвязей этносов. Этот характер взаимосвязей отразился и в самосознании этносов, проживающих на территории России. Характер их взаимосвязей чаще всего базируется на взаимной терпимости, или, если использовать термин, принятый в современных исследованиях коммуникаций, – на толерантности. Примером толерантного характера межэтнических отношений являются, в частности, отношения русских и малочисленных народов Севера.

Конечно, этническое сознание аборигенов Севера хранит память об эпизодах стычек и конфликтов в русско-аборигенных отношениях, когда российское государство представлялось им как чуждая сила. Но в конечном итоге движение русских в сибирские северные края осознавалось коренным населением в целом не как зло, а как благо. Вследствие чего с давних времён в сознании народностей Югры стало, безусловно, доминировать общее для них с русскими чувство принадлежности к российской цивилизации и культуре, к российской государственности. Приход русских принёс большие изменения в культуру аборигенов Севера. В отношениях православной и местных языческих культур православная культура играла ведущую, доминирующую роль. Например, при крещении ханты получили русские имена, фамилии по созвучию с их прежними прозвищами [2, с. 26]. Необходимо отметить, что происходило не односто-

роннее воздействие, а взаимодействие культур. Культуры коренных народов Севера и русских вполне совместимы. Одним из проявлений этой совместимости можно считать обращение некоторой части коренного населения в православную веру, другим – осознанное слияние северных традиционных верований с православием. А главным – общее принятие православия как родной, отечественной российской духовной традиции, хотя чаще всего и без прямого обращения представителей северных народов в православие.

В советское время социалистическая идея утверждалась в общевразийском самосознании. У хантов, к примеру, существует легенда о том, как Ленин побывал среди них. Беседовал с людьми, изучал их нужды, объехал всю Югру [1, с. 272]. В больших селениях отмечались советские праздники. По примеру русских ханты стали встречать Новый год, отмечать свадьбы, рождение ребёнка и другие праздники [7, с. 31]. Необходимо также отметить, что наличие и рост степени распространения межэтнических браков свидетельствует о нерасторжимой межэтнической общности населения в национально-смешанных поселениях Севера. Сегодня общая доля русско-югорских метисов среди хантов и манси, в проживающих в Ханты-Мансийском, Октябрьском и Березовском районах составляет 29 % [6, с. 10]. Из рассмотренного примера межэтнических культурных взаимосвязей следует, что происходило и происходит не односторонняя культурная ассимиляция со стороны русских, а взаимное воздействие на культуры и самосознание этносов.

Исторически сложившееся единство культур Югры, – а это пример, характеризующий ситуацию в целом в России, – опирается на сложившееся взаимопроникновение и в какой-то мере синтез самих их духовно-мировоззренческих оснований. Российская цивилизационная идентичность является именно евразийской. Россия не является только «славяно-православной» цивилизацией. Она населена и неславянскими этносами, исповедующими не только православную, но и другие религии. Несмотря на кризис современной России, евразийская цивилизационная идентичность сохраняется.

Библиографический список

1. Айпин Е. Ханты, или Звезда Утренней Зари. М., 1990. 246.
2. Бахлыков П. История, быт, культура юганских хантов // Югра. 1992. С. 18–24.
3. Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М.: Наука, 1990. 528 с.
4. Вернадский Г.В. История России. Киевская Русь. Тверь: Леон; М.: Аграф, 1996. 448 с.
5. Мархинин В.В. Межэтнические сообщества Югры – звенья Российской евразийской цивилизации // Северный регион. № 1. С. 137.
6. Мархинин В.В., Удалова И.В. Межэтнические браки: состояние, динамика, проблемные ситуации. Новосибирск: Институт философии и права СО РАН, 1998. 235 с.

7. Соколова З.П. Легенды Вут-Ими: Путешествие по Оби с её притоками к ханты и манси. Сургут: Северный дом, 1993. 76 с.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА ЛИЧНОСТИ В СОСТАВЕ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ИРАНСКОГО НАРОДА

А. Г. Асаийеш

**Национальная академия наук Азербайджана,
г. Баку, Азербайджан**

Summary. In the course of formation of the person the big role is played by dialogue, including through mastering of values and the norms, created by the people. Moral and esthetic values of the Iranian people have rich history of development and live in a life, in customs and traditions. Formation of socially-psychological qualities of the person goes and through folklore mastering, through customs and traditions.

Key words: socially-psychological qualities of the person; moral values of the Iranian people.

В национальном самосознании каждого народа находят отражение прежде всего представления о морали и нравственности. Система ценностей, на основе которых формируются общественное мнение, стереотипы сознания, содержит в себе представления об идеальной личности, её темпераменте, характере, воле, мышлении, чувствах и эмоциях. В национально-нравственных ценностях иранского народа нашли отражение исторически сформировавшиеся представления, впоследствии составившие основу национального менталитета. Здесь особо выделяются такие нормы, как простота, скромность, совесть, сочувствие, гуманизм, справедливость, достоинство, дружба, товарищество, мужество, отвага, совесть, чувство долга и прочие качества.

Обратимся к образцам устного народного творчества – пословицам, поговоркам, сказкам, мифам и преданиям, а также баяты (четверостишия). Творцы этих художественных форм неизвестны, поскольку это было очень давно; они просто передаются из уст в уста, обогащая нравственный и эстетический мир людей, давая им навыки повседневного поведения, а также практические знания. В передаче этого бесценного опыта прежде всего участвуют представители старшего поколения, носители устных преданий и других форм народного творчества. В целом можно сказать, что именно через этот процесс коммуникации осуществлялся значительный пласт социализации личности. К фактору, формирующему социально-психологические качества личности, можно также отнести материальные памятники культуры, носителей таких эстетических и нравственных качеств, как любовь к прекрасному и возвышенному, стремление к добру и красоте.

К примеру, возьмем выражения, дающие личностную характеристику или оценку человеку: человек может быть хороший, справедливый, искренний, мужественный, трудолюбивый, или, напротив, его можно назвать «горькоязычный», «как мешочек с ядом», «горький», «с горькой кровью» и проч. Подобные характеристики и сегодня можно услышать. Взаимоотношения людей строятся так, что в поведении каждого из них порой проявляются какие-то мотивы для подобных характеристик. В поведении людей проглядывают мотивации, самооценка, желания и эмоции. Всё это зафиксировано в той или иной степени в устном народном творчестве.

Особое место в национальных стереотипах и ценностях занимает проблема разума, мышления. Прежде всего разум способствует формированию самосознания. Характеристика мышления передаётся через чувства, эмоции, восприятие, память, воображение, и проч. Оценка ума прежде всего даётся в пословицах и поговорках: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, привычка – вторая натура, один ум – хорошо, а два – лучше, повторение – мать учения, разум не в возрасте, а в голове, иди к тому, от кого плачешь, а не к тому, от кого смеешься, из вербы не выйдет тополь, из безродного родовитый не получится, от змеи произойдёт змеёныш, человеку лишь человек пригодится, как в зеркало ни смотришь, таковым себя и увидишь, для понимающего и одно слово, как целая книга, волк ищет, где туман расстилается, дом без главы – что страна без правителя, сын у отца учится, как дом в достатке держать, посадив овёс, не соберёшь пшеницу, у каждой красотишки есть изъян, за хлеб и соль мечом не мстят, и т. д. [1, с. 518–520].

В этих крылатых выражениях отражаются проблемы социальной среды, семьи, обычаев и традиций, которые имеют большое значение для социально-психологического развития личности.

В процессе общения на социально-психологическое формирование личности большое влияние оказывают, как уже отмечалось, такие формы устного народного творчества, впитавшие в себя многовековой опыт, как сказки, восхваления, порицания, поговорки. Это служило для создания особой среды для общения, когда шёл процесс взаимного нравственного и эстетического обогащения.

Многочисленные характеристики, которыми здесь награждался человек, способствовали формированию в нём лучших человеческих качеств, таких, как достоинство, нравственная чистота, мужество, искренность и т. д. Вот некоторые из них. Они даются человеку в пословицах: человек – венец Вселенной, человек крепче камня, нежнее цветка, человек для человека не обуза, человека возвышает труд, человек может стать человеком лишь среди людей, одной рукой хлопка не сделаешь, вкусное слово – мечта для души, невкусное слово – головная боль, лучше иметь жирный зуб, чем жирный плов, язык есть

как мёд, и язык есть, как беда, единство народа и гору снесёт, камень, брошенный всем миром, далеко летит, и т. д. [2, с. 91–93].

Согласно народной мудрости, самым высоким чувством является чувство справедливости: не пей воду из рук невежи, если даже мучишься от жажды, самое большое горе – это невежество, обожжешься, так больше не подойдешь к огню, для нормального человека нужно лишь одно слово, человеческое слово понимает человек же, сердце и слово у человека должно быть единым, свой постный обед лучше чужого плова, мягкому по натуре человеку спокойнее жить на свете, кровь не смывают кровью, а смывают водою, лев может сразиться лишь со львом, не будь жесток с правдолюбом, будь жесток с жестоким, пожалеть жестокого – значит, быть жестоким со справедливым [там же].

Есть много пословиц и поговорок о совести и достоинстве, самовоспитании, самосознании, самооценке, нравственном сознании в целом, искренности, милосердии, покладистости, скромности и других социально-психологических качествах. Они влияют на характер ценностных ориентаций, на формирование самосознания в целом.

Об отношении к жизни, к нравственной самооценке, критическое отношение к отрицательным качествам также находит своё отражение в пословицах, созданных иранским народом. Имеется множество выражений, связанных с определёнными качествами. Например, как отвечать на те или иные поступки, если они хорошие, или если они – плохие: не ожидай хорошего в ответ на плохое: на это способен не каждый, ответить хорошим на плохое – требует мужества, хорошим поступкам всегда подражают, хорошее не пропадёт, тебе воздастся, плохое посадили в землю – не проросло и т. д. [3, с. 45].

Среди видов народного творчества, формирующих социально-психологические качества личности, следует выделить также колыбельные песни, скороговорки, загадки, песни дастаны, религиозные песнопения, стихи и т. д. Всё это является бесценным сокровищем в общественном сознании народа, которым можно пользоваться веками: друга познаешь в беде, хороший друг – это целое сокровище, друга не хватит и на тысячу дел, врага хватит и на одно, и т. д. [3, с. 19–31]. Здесь проповедуются идеи дружбы, товарищества, порицаются идеи предательства. Нельзя быть другом «съеденного куска», другом «должности», и проч.

Большое значение имеет усвоение духовно-нравственных народных ценностей при формировании самосознания, самооценки. К примеру, здесь можно выделить такие выражения, как если б знал, что стыдно, так с головой прикрывлся, народ – провидец, от народа и печаль – в радость, у народа роток – не подберёшь, у народа роток – что большой мешок, сила народа – что сила у селя, вместе с народом и бога славить легче и т. д. [там же, с. 9].

Таким образом, нравственно-психологические вопросы социализации личности в определённой степени решаются в рамках восприятия моральных ценностей устного народного творчества, которое в связи с этим надо беспрестанно культивировать и пропагандировать, чтобы этот источник народной мудрости не иссяк.

Библиографический список

1. Антология литературы Южного Азербайджана. В 3-х томах. Том 2. Баку, 1983 (на азербайджанском языке).
2. Мухаррам Перизад. Развитие пословиц. Тебриз, 2001 (на персидском языке).
3. Ахмеди Насир. Сказки, пословицы, мифы. Тегеран, 2005 (на персидском языке).
4. Пословицы. Тегеран, 2007 (на персидском языке).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ П. Я. ЧААДАЕВА (АНАЛИЗ МИЛИТАТНОЙ РЕФЛЕКСИИ)

Д.В. Иванов

**Иркутская государственная сельскохозяйственная
академия, г. Иркутск, Россия**

Summary. The paper considers the main psychological views of the greatest Russian philosopher of the beginning of XIX century P.Ya. Chaadaev. His pointviews on the human essence and problems of personality are analyzed. The main ideas of his moral (Christian) psychology are presented.

Key words: militat reflection; human struggle; struggling man; problem of personality; moral (Christian) psychology.

Чадаеведение, исследующее творческое наследие первого философа XIX столетия П.Я. Чаадаева, оказывается в центре поисков современным человеком нравственного пути своего развития в ХХI веке. В связи с этим становятся актуальными не только философские воззрения Чаадаева, но и его психологические представления. Впервые особый интерес вызывает милитатная (от лат. militat – бороться) рефлексия «басманного философа», анализ которой позволяет понять, как Чаадаев представлял себе человека борющегося и феномен человеческой борьбы.

О Человеке, его психологической природе Чаадаев рассуждает, основываясь на собственном миропонимании, обнаруживая знания естественнонаучных причин, определяющих течение жизни во Вселенной. Он верит в желание человека обрести «исконную жизнь» и «высшее напряжение» своих «дарований» – потенций и возможностей, свойственных ему. По Чаадаеву, природа человека уникальна, в ней присутствуют гармонически позитивные свойства. Однако задатки человечества ещё не развиты в полной мере. Особенно это ка-

сается русского человека. В размышлениях Чаадаева человек выступает как воплощение физического и духовного миров. «Я и не-Я, мир внутренний и мир внешний, субъект и объект» (Чаадаев). Телесная природа человека обуславливается известными философу физическими законами. Духовная природа человека предлагает бесконечность его восхождения к «возможному совершенству», когда возникает «желание напрячь деятельные способности души, испытать свою силу». Духовный мир предстаёт как совокупность идей, как мир нравственности и морали.

Чаадаев размышляет о человеке, его возможностях на протяжении практически всей своей творческой деятельности. Чаадаев говорит о человеческих ощущениях, утверждает значимость их в развитии индивида, в его стремлении к познанию жизни и своего предназначения. Вопросы памяти связывает с проблемой воли, поскольку считает, что «мы помним не более того, что желаем вспомнить». Мыслитель верит в существенную потенциальность человеческого воображения. Поскольку вообразить такую сложную онтологическую и психологическую категорию, как «время», оказывается задачей, подвластной человеку. Поднимает проблему воли, которая в его понимании особо ценностна при описании человеческой природы. Помимо воли много внимания уделяет рассмотрению проблемы мышления, соответственно способности человека к глубоким умозаключениям, прозрениям, осознанию своего предназначения, т. е. всему тому, что являют собой «таинственные пружины» его духовного движения. Силой своей мысли, «подымающей нас выше самих себя», можно постичь идею всеобъемлющей личности, понять свою изначальную связь с остальным миром. Чаадаев считает, что человеческий ум по своей природе стремится к «единству». Мы можем заметить то важное обстоятельство, что Чаадаев видел в человеке средоточие мысли, направленной на постижение сути бытия, где борьба является ценностью. Многообразные философские сюжеты, воспроизводимые Чаадаевым, призваны служить, в том числе, его провиденциалистскому мироощущению, милитантной рефлексии. Жизненная подвижность идеи человека, его природной и социальной сущности, взаимосвязывает все чаадаевские положения и делает осмысленными философу борьбы и психологему человека борющегося. Чаадаев обращает внимание на человеческую речь, поскольку «слово» является основой «происхождения сознания в отдельной личности» и последующего его развития в человеческом роде. «Слову» «бассманный философ» придаёт серьёзное значение, особенно когда встаёт вопрос о борьбе. Чаадаев подчёркивает, что достаточно слова, чтобы привести в движение армию. Человеческое слово даёт силы достаточно большой группе людей действовать, изменять материальный и социальный миры, творит историю. Даже «поэтическое вдохновение», по Чаадаеву, это «вдохновение словом, а не мыслью». Благодаря человеческой речи рождается общение, лишён-

ные которого люди «мирно щипали бы траву, а не рассуждали бы о своей природе». Это известное изречение Чаадаева стало эпиграфом отечественной психологии. Общение порождает общую направленность становления человеческого, нравственного в человеке.

Чаадаев считает человека существом нравственным, поэтому достойным борьбы. По его мнению, борьба разворачивается в материальной и духовной сферах существования человека. Человеческий дух, как считал Чаадаев, хотя и «осенён высочайшим из светочей», но он не в силах овладеть «полной истиной», поэтому «постоянно мечется между истинным и ложным». Отсюда берёт исток борьба, которая внутриличностно востребована; возникает как потребность в духовном самосовершенствовании. Поскольку человеку присуще существование в нравственном измерении, то ему необходимо делать выбор, осуществляя поставленную цель, в соответствии с собственным волеизъявлением. Чаадаев пишет, что та психология, которая принимает наследственность человеческой мысли за первое начало духовной природы, находит в этом разрешение большей части своих вопросов, касающихся человека. Такую психологию Чаадаев называет «углубленной». Именно она позволяет рассматривать «таинственные пружины духовного движения» человека. Чаадаев – один из первых в ряду «углубленных» философствующих русских психологов XIX в. – пытается донести до просвещённого читателя важность постижения таинственных пружин духовного движения – «наследственности» мысли «прошлых веков», а также присущей человечеству исторической памяти, следование ментальным моделям, где борьба в различных своих модусах (витальная, ситуационная, игровая) является важной составляющей существования человека. Чаадаев – психолог, считавший, что «объяснить человека можно только через человека», поэтому он видит в борьбе принцип духовного движения, становления нравственности последнего. В его понимании человек создан для добра, «делая» который, он испытывает из всех дарованных ему наслаждений самое величайшее. Кроме того, Чаадаев видит в созидании добра и «подвиг сверхчеловеческой доблести». Человек напрягает в борьбе «деятельные способности» своей души, испытывает «свою силу». И внутренняя и внешняя борьба требуют мужества. Человек борющийся обладает мужеством, слагающимся, по формуле Чаадаева, из добродетели, времени и счастья. Добродетели и добродетельность как качества и свойства человека, нравственно ориентированного, – глубокий отзвук психологических воззрений эпохи Просвещения, даже более древних пластов описания человеческой природы – патристики с её аскетизмом, праксиса повседневности. Время – «это неизмеримое продолжение, это бесконечное последование вещей» есть, по мнению мыслителя, жизнь, а именно, «истинное» и «совершенное существование». Принять идею времени – значит, найти требуемую опору мужеству борющемуся че-

ловеку. Счастье понимается как стремление к обнаружению и развитию своих «дарований», тех сущностных сил, которые есть у человека. Фактически Чаадаев замечает существенный фактор, определяющий счастье человека – упорядочение собственного внутреннего мира, сосредоточенность на определённом объекте и возможность единения с ним в собственном морально-нравственном поиске. Счастливый борющийся человек в этом поиске всегда имеет цель. В области нравственности это есть «движение». «Нравственный закон» в понимании Чаадаева сохраняет жизнь «разумных существ и человеческого общества». Человек-борец поддерживает этот закон своей деятельностью (своей борьбой).

В своих размышлениях Чаадаев прибегает к совокупному описанию борьбы, которое может быть представлено как «архаичная борьба», противоборство, встречающееся в древних обществах, свойственное первым этапам становления человеческой истории.

Причинами борьбы могут выступать: правда (побуждаемая сила, «которая человеком не ощущается»), сочувствие (к другим), вдохновение (как ниспосланное свыше), собственное человеческое произволение. Борьба становится личностно-ценностной и общественно-полезной. Как война – борьба деструктивна и не способствует благоприятному совместному проживанию людей и мировому прогрессу. Можно сказать, что борьба армейско-военной причинности в исторической ретроспективе у Чаадаева имеет отрицательную оценку. Хотя в целом, с опорой на собственный опыт военного, он является сторонником армейско-военной борьбы в плане освобождения народов от внешних врагов. Гнозис борьбы у Чаадаева в дихотомии внутреннее-внешнее, гармоничное-дисгармоничное, конструктивное-деструктивное, прогрессивное-регрессивное охватывает философский, социологический, исторический аспекты, позволяет выделять сущностное (эссенциальное) в её проявлениях. Когда Чаадаев использует концепт «борьба», то в его гнозисе она «страстная», «сознательная» и «беспрестанная». Кроме того, гнозис борьбы у Чаадаева – это, скорее, одна из попыток создать объединяющую идею всеобщности человеческого рода.

Чаадаев приходит к выводу о бесконечности антропологической проблематики. Поэтому, может быть, он останавливается на понятии «Апокалипсиса», подразумевая под ним начало новой эпохи восхождения человека к высшим ценностям. «Великий апокалиптический синтез», по Чаадаеву, предстаёт как «осуществлённый нравственный закон», в котором он видит «предел и цель всего», что является и эпилогом его философского трактата – «Философических писем». В психологическом контексте данный вопрос важен, поскольку даёт представление о направленности совершенствования человеком себя. Поэтому «углубленную психологию» Чаадаева можно определить как нравственную (христианскую).

Анализ милитарной рефлексии «басманного философа» позволяет выявить, что в основе его нравственной (христианской) психологии лежит признание абсолютных оснований нравственности, христианские представления о сущности человеческого исторического и духовного путей и образа человека-борца, воплощающего в себе базисные качества христианина. Человеческий дух в своём движении отражает непрерывное божественное действие на мир, поэтому пути совершенства возможны и необходимы. Христианство как сочетающее в себе действия нравственного, умственного и социального характера, по мнению Чаадаева, представляет «полную свободу» человеческому духу. Христианская психология Чаадаева помогает понять значение свободы для борющегося человека. Все нравственно-ценностные качества развиваются на основе «природных сил» – способностей человека. Личность, как новый концепт русской психологии начала XIX в., в нравственной (христианской) психологии Чаадаева понимается как определённая выраженность нравственных ценностей, единство «героизма сильной души» и «покорного ума».

В целом можно признать, что психологические представления Чаадаева, его милитарная рефлексия оказываются адекватны ожиданиям «русского искателя» начала XIX в., а также нашим современникам, стремящимся найти путь своего нравственного становления.

«КОЛЬ МНЕ УДАТСЯ В КРАЙ СВОЙ ВОЗВРАТИТЬСЯ...»

Т.В. Джумма

**Уфимская государственная академия экономики и сервиса,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия**

Summary. This work is devoted to enlightener Mukhametsalim Umetbaev. His poems are prophetic. His kind name is rebirthing, the interest to his creative work is increasing.

Key words: Mukhametsalim Umetbaev; Bashkortostan; heritage; historic-cultural tourism; culture.

***М.И. Уметбаев
(1841–1907)***

Культура любого народа неповторима. Она является основой социального и экономического развития народов, государств и цивилизаций, духовного и нравственного возвышения человека. Республика Башкортостан – уникальный регион, по многообразию культурного наследия и развитию историко-культурного туризма.

Великий поэт, ученый, просветитель Мухаметсалим Уметбаев родился 22 августа 1841 года в деревне Юмран-Ибрагимово Юмрантабынской волости Уфимского уезда (ныне Кармаскалинского района РБ) в семье кантонного начальника. Учился в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе.

Ещё при жизни М. Уметбаев получил всеобщее признание как учёный, знаток восточных языков, истории башкирского народа. Он оставил богатое научно-литературное наследие. Значительную часть научного наследия составляют труды, посвящённые истории и этнографии башкир. В таких очерках и статьях, как «Башкиры», «Светлые и мрачные дни башкирского народа», «О башкирском восстании 1755 года» автор изучает историю, культуру родного народа и на научной основе преподносит читателям.

Через его труды башкиры познакомились с историей России, Рима, Египта и других стран мира. Как истинный патриот своего народа, он оказывал помощь иностранным учёным, изучавшим башкирский язык. В 1901 году он помогал венгерскому филологу

Вильмош Преле в создании книги «Башкирская грамматика». Смелым и значительным шагом были переводы Уметбаева произведений А.С. Пушкина: «Романс», «Наслаждение», «Делибаш» на татарский язык. Переводы Уметбаева ценны для нас не только как чисто художественные, но и как историко-литературные памятники.

«Ядкар» («Памятки»), единственная книга, изданная при жизни учёного. Из 38 стихотворений, вошедших в «Ядкар», большинство посвящено показу явлений реальной жизни, историческому прошлому. Стихотворения М. Уметбаева близки и понятны нынешнему поколению своим жизненным материалом, просветительской идеей, чувством любви к родной земле, к своему народу.

М. Уметбаев вышел в отставку 21 августа 1899 года, здоровье его к тому времени сильно пошатнулось. Пенсию он получал только за 18 лет работы переводчиком в Духовном управлении. А прежние 20 лет работы в кантоне, самые трудные и тяжёлые, не брались в расчёт. И потому пенсия царского правительства была 59 рублей 40 копеек. В месяц выходило около 5 рублей. 38 лет преданной службы, орден Святого Станислава, две серебряные, одна бронзовая медали, видимо имели такую жалкую цену.

Но несмотря на это, он продолжает заниматься творчеством, наукой. Кругозор Уметбаева велик. Он начинает собирать материалы о лекарственных растениях, о методах народного лечения, задумав книгу о народной медицине.

В 1903 году он совершает хадж. «На деньги, полученные от издания моих книг, я совершил хадж», – пишет М. Уметбаев.

28 июля 1907 года сердце Уметбаева перестало биться. Его тело было погребено на кладбище в деревне Юмран-Ибрагимово. «Когда умру, останется книга» – писал Уметбаев. Наследство, оставленное им своему народу, – его научные и литературные труды.

В отрывке стихотворения «Тоска» М. Уметбаева (перевод Г. Шафикова), звучат пророческие слова:

Сойдут снега, чтоб нам сквозь них пробиться,
Взойдет дорога на крутой бугор.
Коль мне удастся в край свой возвратиться,
Земля родная вновь соткёт узор.

Имя Мухаметсалима Уметбаева не забыто. В деревне Ибрагимово Кармаскалинского района Республики Башкортостан расположен дом-музей великого поэта, учёного и просветителя М. Уметбаева. Он является мемориальным и литературным мемориалом Национального музея РБ. Открытие музея, основательное изучение творческого наследия башкирского просветителя началось после того, как было обнаружено шежере, автором которого является М. Уметбаев.

Дом-музей состоит из большой просторной комнаты, работниками музея воссоздан старинный быт и внутренний интерьер жи-

лица башкирского кантонного начальника: шкаф для одежды, стол, стулья и личные вещи поэта, которые сохранил правнук М. Уметбаева Рихард Уметбаев.

Над изучением творчества Уметбаева ведётся плодотворная работа доктором филологических наук, академиком, Г.Б. Хусайновым, профессорами Т.А. Кильмухаметовым (первый лауреат премии им. М. Уметбаева), Г.С. Кунафиным, преподавателем культуры Башкортостана Р.М. Бакиевой и др. В Башкирии проживают потомки учёного, которые бережно хранят память о великом предке.

16–17 сентября 2011 года на родине поэта в д. Ибрагимово прошли празднования в честь 170-летия великого учёного. На праздновании юбилея присутствовали деятели культуры, науки, преподаватели башкирского языка и культуры Башкортостана, потомки М. Уметбаева. В местном доме культуры были проведены «Уметбаевские чтения». Реконструирован и дополнен новыми экспонатами дом-музей Уметбаева. На территории музея состоялось торжественное открытие бюста великому просветителю М. Уметбаеву.

Министерство Просвещения Башкортостана разрабатывает экскурсионный маршрут на родину поэта. Задача этого проекта заключается в том, чтобы сохранить и передать громадный пласт национальной культуры следующим поколениям, причём не только в пределах республики, а на территории всей страны и мира.

Библиографический список

1. Залеская Л.И., Хусайнов Г.Б. История Башкирской Советской литературы. Москва: НАУКА, 1977.
2. Кунафин Г.С. «Ул үзәнә һейкәл куйып китте» // Ватандаш. № 12. 2011. С. 136–160.
3. Кунафин Г.С. «Вечный наш современник» // Учитель Башкортостана. № 6. 2008.
4. Харисов А.И., «Литературное наследие башкирского народа» (18–19 вв.). Уфа: Башкирское издательство, 1973.
5. Хусайнов Г. Мухаметсалим Уметбаев // Бельские просторы. 2000. № 7,8,9.

ОБРАЗ РЕКИ АМУР В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Н. А. Швайко

Хабаровский государственный институт искусств и культуры,
г. Хабаровск, Россия

Summary. Cultural researching of the Far East, especially its art images is actual at the modern period of the science development. Natural images in art of this region evoke the greatest interest in culturology's exploration. One of the main image is the image of the Amur river. It is expressed through some specific signed and symbolic forms in mythology, literature, figurative art, music and photography.

Key words: region culture; culture of the Far East; science of culture; cross-cultural researches; the Amur river; art; image; symbol; sing.

Изучение культуры дальневосточного региона на современном этапе развития науки является актуальным. Так как в современной культуре процесс глобализации становится основным и неизбежным вектором её развития, то возникает острая потребность в сохранении уникального этнического и регионального наследия.

Уровень развития цивилизации Дальнего Востока растёт с каждым годом. Но особое географическое положение региона не позволит полностью освободиться от влияния природы и создать культурное пространство вне её. Природный фактор остается основополагающими при изучении экономики, геополитики, истории и культуры Дальнего Востока. В частности, это касается и изучения художественной культуры. Поэтому для культурологии интересно рассмотрение определённых образов, основанных на природных стихиях.

В искусстве дальневосточного региона наибольший интерес вызывает рассмотрение символической структуры образа реки Амур, который проникает во многие знаковые системы культуры. Во-первых, это касается традиционной культуры, в частности мифологии и устного народного творчества коренных жителей России и Китая. В данном случае образ Амура также может выступать как интегратор в кросс-культурном взаимодействии. Во-вторых, образ дальневосточной реки проявляет себя в современном искусстве: в пространственных (живопись, графика), временных (литература, музыка), технических (фотография). Это говорит о закономерном и многогранном воплощении его в художественной культуре, изучение которого позволит рассмотреть региональное знаково-символическое поле и выявить ряд смыслов, доминант, характерных для искусства Дальнего Востока.

Вода как один из основных космогонических элементов занимает значительное место в традиционной культуре. Поэтому образ

реки Амур в мифологии нанайцев, ульчей, эвенков, эвенков, удэгейцев будет обладать особыми сакральными смыслами.

Литературное творчество таких писателей и поэтов, как П. Комаров, С. Феокистов, Н. Задорнов, М. Пришвин, С. Кучеренко, В. Еращенко, Л. Миланич содержит в себе водную стихию. С ней связаны и исторические события региона, и личные переживания героев. Язык словесного искусства диктует особый способ воплощения образа реки.

Основной жанр живописи дальневосточных художников – это пейзаж. Поэтому изображение природы на полотнах Ю. Рачёва, В. Снытко, В. Фёдорова, Н. Большакова, А. Пыркова, Е. Макеева, Ф. Конюхова, И. Дония, К. Кузьминых, Г. Манткава естественно включает в себя образ Амура. Такими средствами живописи, как цвет, перспектива, композиция, свето-воздушная среда, водная стихия репрезентируется через особые знаково-символические смыслы.

Музыкальная и песенная культура Дальнего Востока несёт в себе самый лирический и эмоциональный образ реки Амур. Он неоднократно возникает в композициях и песнях о любви к родной земле и близким людям, надежде в будущее («Шуми, Амур» – сл. С. Феокистова, муз. В. Румянцева, «Амурские волны» – сл. С. Попова, муз. М. Кюсса, «Амур-река» – сл. В. Цыгановой, муз. Ю. Прялкина).

Фотохудожники Дальнего Востока создали из Амура своеобразный бренд региона: образ реки является одним из главных атрибутов декоративной, сувенирной, полиграфической продукции. Это проникновение в массовую повседневную культуру обусловлено именно техническими видами искусства, специфическими средствами создания образности.

Изучение региональной художественной культуры через природный образ-интегратор (в данном случае – река Амур) позволит через особенности знаковой системы каждого вида искусства глубоко и многогранно раскрыть её символическую и духовную ценность.

ЭВОЛЮЦИЯ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Е. В. Великая

Армавирская государственная педагогическая академия,
г. Армавир, Россия

Summary. The Article is dedicated to development of trade in the North East Caucasus in the first half of the 19th century. The Author came to conclusion that in this time trade relations with Russia passed several stages. Natural of exchange trade in 1811 became to be replaced organized of exchange, fair trade develops in 30 years, but in medium of the 19th century – constant.

Key words: exchange trade; fair trade.

В начале XIX века внутренняя и внешняя торговля на Северо-Восточном Кавказе носила преимущественно стихийный меновой характер и была осложнена отсутствием собственной монеты, удалённостью Северного Кавказа от центральных губерний, бездорожьем, острой политической обстановкой и феодальными междоусобицами [13].

В налаживании торговых отношений была заинтересована не только Россия, но и местные жители. Многие горские общества при вступлении в подданство России просили разрешить им торговать с русскими [12]. Подобные стремления всячески поддерживались российским правительством. В соответствии с решением Комитета Министров от 6 июля 1810 г. Александр I повелел развернуть меновую торговлю с горцами на всей Кавказской линии [1]. Так, для чеченцев меновой двор был открыт в Науре и Лашурине, что усилило торговые связи чеченцев и ингушей с Россией [4].

Важнейшим пунктом торговли для горцев Северо-Восточного Кавказа в рассматриваемый период оставался Кизляр, основанный ещё в 1735 г. [2]. Торговцы из Дагестана и Чечни встречались здесь с русскими купцами из Астрахани, Вологды, Тулы, Ярославля, Нижнего Новгорода и иных мест. Горские торговцы и сами продавали различные товары в Астрахани, Казани, Москве и других городах России [6].

Хотя согласно императорскому указу от 30-го мая 1817 г. торг с горскими народами должен был быть беспошлинным [11], этого не происходило, и генералу А.П. Ермолову пришлось на протяжении многих лет добиваться отмены таможенных сборов. Алексей Петрович писал министру финансов Е.Ф. Канкрину о ничтожности пошлинного сбора и настаивал на том, что «горские народы, в Дагестане обитающие, состоящие в подданстве России и по большей части платящие дань, конечно, имеют на беспошлинную с нами внутреннюю торговлю... право» [9].

Лишь 24 апреля 1825 г. было, наконец, дано «согласие на установление свободного и беспошлинного торга с горцами, живущими на северной и южной покатости Кавказских гор...». Это важное решение командующий предлагал дополнить следующим: «...Не назначая для торга с горскими народами постоянных пунктов, позволять им по карантинном очищении на общих правилах, продавать свои продукты везде, где пожелают...». Но данное предложение Ермолова не было поддержано правительством, и меновые дворы, учреждённые в 1811 г., продолжали существовать. 13 марта 1835 г. были утверждены «Правила для таможенного надзора по Кавказской Линии», в приложении к которым указывался список предметов, допустимых к ввозу на меновые дворы. В частности, запрещалось пропускать к горцам оружие, или то, что могло быть использовано для его изготовления. А к завозу в Россию допускались: «скот, кожи, шкуры, тулупы, ремни, башлыки, шаровары, ковры, бурки, шерсть, сукна, рогожи, ножи, ружья, пистолеты, сабли, кинжалы, луки, стрелы, панцири, шашки, посуда глиняная, медь, табак, воск, масло, сыр, мыло, орехи, фрукты, лук, хлеб, пшено, бобы, горох, мак, чечевица, сено, арбы» [10].

Прогрессивным явлением, имевшим большое значение для дальнейшего развития торговли в Дагестане и способствовавшим росту товарно-денежных отношений, явилась отмена в 1831 году права местных владельцев (тарковского шамхала, мехтулинского хана и пр.) на взимание пошлин [7].

В 30-е гг. в отличие от меновых дворов определённый подъём намечился в ярмарочной торговле. На Наурской ярмарке, которая проводилась один раз в год осенью, в 1834 г. торговый оборот достиг 27 370 руб. А в 1837 г. только чеченцы на ярмарке продали на 12 148 руб. крупного рогатого скота, на 1 158 руб. лошадей, на 547 руб. овец, на 1 149 руб. зерна и на 887 руб. шаровар, бурок, башлыков. Приобретали они в основном текстиль. Всего на Наурскую ярмарку приехало около 6500 человек, а товаров было продано на 39 027 руб. [8]. Ярмарки периодически проходили рядом с крепостью Грозной. Об их проведении просили и «немирные горцы». Так, в 1850 г. на берег Сунжи прибыло до 500 арб «непокорных» чеченцев со своими жёнами и детьми [3].

В середине XIX в. (1849 г.) на Кавказской линии и в Ставропольской губернии насчитывалась 41 ярмарка. Деньги всё глубже проникали в экономику горского населения, и меновая торговля потеряла своё былое значение. В середине XIX в. новым явлением стало открытие в регионе базарных пунктов и лавок во многих населённых пунктах [5].

Таким образом, на протяжении первой половины XIX века торговля на Северо-Восточном Кавказе прошла ряд этапов: от стихийной к организованной меновой и далее к ярмарочной и постоянной (лавочной). Этому способствовала как правительственная по-

литика, так и стремление горцев к развитию товарно-денежных отношений с Россией.

Библиографический список

1. Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Славянск-на-Кубани, 2005. С. 342–343.
2. Гарунова Н.Н. Экономическое развитие города Кизляра в XVIII–первой половине XIX веков. Кизляр, 1999. С. 14.
3. Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V–середина XIX века. 1984. С. 132–133.
4. Гриценко Н.П. Истоки дружбы (из истории экономических, культурных связей и дружбы чеченского, ингушского народов с великим русским народом и народами Кавказа). Грозный, 1975. С. 54; Гапуров Ш.А. Чечня и Ермолов (1816–1827 гг.). Грозный, 2006. С. 70.
5. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в.–1917 г.). М., 1988. С.82–83.
6. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Махачкала, 2009. С. 111.
7. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Махачкала, 2009. С.128.
8. Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск. 2002. С. 244.
9. Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827). Ессентуки, 1999. С. 58-59.
10. Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П.Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827). Ессентуки, 1999. С. 59, 252.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Том XXXIV. 1817 г. СПб., 1830. № 26 897.
12. Русско-дагестанские отношения в XVIII–начале XIX в.: Сборник документов. М., 1988. С. 273, 283, 287.
13. Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII–начале XIX вв. М., 2008. С. 110.

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ТОРГОВЛИ И ПРОМЫСЛОВ В АКМОЛИНСКОМ, АТБАСАРСКОМ И КАРКАРАЛИНСКОМ УЕЗДАХ (НАЧАЛО 20 ВЕКА)

Б.К. Альжаппарова
Евразийский национальный университет
имени Л.Н. Гумилёва, г. Астана, Казахстан

Summary. In given article some aspects in progress of commerce and crafts in region in the beginning of 20 century are considered. It is spoken about trade employment which practised Kazakhs of the given region.

Key words: region; commerce; cattle breeding; trade employment; tax policy.

Торговля и промысловые занятия получили широкое распространение в Центральном Казахстане в начале 20 века. Это было обусловлено целым рядом факторов: вовлечением экономики Казахстана в общероссийский рынок, усилением экономических позиций России в регионе, социальным расслоением в кочевой среде.

Центральный Казахстан занимал выгодное геоэкономическое положение в экономической структуре Казахстана. На территории этого региона в начале XX века располагались 13 волостей Акмолинского уезда: Кара-Агачская, Кургальджинская, Сары-Узенская, Нельдинская, Саранская, Актавская, Атасуйская, Чурубай-Нурина, Ортавская, Спаская, Нурина, Мунглинская, Кызыл-Топракская; несколько волостей Атбасарского уезда Акмолинской области: Сары-Суйская, Кенгирская, Жездинская и Улытауская; все волости Каркаралинского уезда Семипалатинской области.

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть масштабы торговли и промысловых занятий на примере Акмолинского, Атбасарского и Каркаралинского уездов. По мнению исследователей, региональный подход к исследованию такого рода вопросов позволяет успешно избежать таких крайностей, как чрезмерное обобщение материала, схематически-стереотипное отражение исторических явлений. Вместе с тем изучение региональных особенностей этой проблематики приводит к осознанному научному видению проблемы в целом, что в свою очередь способствует многомерному отображению исторической действительности.

В начале 20 века в Центральном Казахстане наблюдается рост животноводства, происходит увеличение поголовья скота. Об этом, в частности, свидетельствуют цифровые показатели по скотоводству в Акмолинском уезде (в 1897 г. – 680 тыс. голов скота, в 1909 г. – 967 тыс. 657 голов скота). Этот факт подтверждает также и ярмарочная торговля, получившая в начале XX в. широкий размах. В одной только Акмолинской области функционировало более 70 ярмарок, торговые обороты которых простирались до 30 млн рублей. В общей сумме ярмароч-

ного сбыта произведения скотоводства составляли более 70 %, а европейские товары – более 20 %, что показывает неэквивалентность торгового обмена между Степью и земледельческими районами. В Акмолинской области, занимавшей выгодное геоэкономическое положение, осуществлялась торговля товарами местного производства и проводились посреднические операции между юго-восточными казахскими степями и промышленными центрами России. Чтобы осветить масштабы этой торговли, мы позволим себе привести отрывок из хозяйственных источников того периода: «Начинается покупка на Чарской ярмарке, часть купленного скота отправляется в Омск и Тобольскую губернию, а остальной идёт в Куянды (в Каркаралинском уезде), где присоединяется скот семиреченский и местный. Скот, купленный в Куяндинской ярмарке, наравне с оставшимся непроданным, гонится частью в Акмолинск, частью в Атбасар, а частью, мимо Акмолинска, прямо на Таинчикуль и в Петропавловск. Из Акмолинска собранный там семипалатинский, семиреченский и местный скот, проданный и непроданный, идёт частью в Таинчикуль, частью в Атбасар, частью прямо в Петропавловск, Пресновскую и Пресногорьковскую станицы. Также передвигается скот и с Атбасарской ярмарки, и в Оренбургскую губернию через станцию Звериноголовскую [2, с. 22].

О размахе торговых операций, проводившихся на атбасарской ярмарке, свидетельствует факт, приводимый Шариповым. Русский купец Баранов на этой ярмарке заключал только с баганалинцами примерно две торговые сделки в год. В ходе одной только операции он закупал у них около 80 тыс. баранов, которых затем перепродавал в Челябинске [3, с.151].

На знаменитой Куяндино-Ботовской ярмарке, функционировавшей в Каркаралинском уезде, в 1903 году было продано товаров на сумму 2 млн. 210 тыс. 479 рублей, в частности мелкого рогатого скота – 93 тыс. 200 голов, крупного рогатого скота – 13 тыс. 13 голов, муки и зерна на сумму 83 тыс. 670 рублей, чаю и сахара, фаянсовой и глиняной посуды, мануфактурных и бакалейных товаров на сумму 770 тыс. 490 рублей. В 1907 году на этой же ярмарке было реализовано товаров на более крупную сумму – 2 млн 722 тыс. 505 рублей: мелкого рогатого скота – 111 тыс. 79 голов (на сумму 666 тыс. 274 рублей), крупного рогатого скота – 14 тыс. 830 голов (на сумму 331 тыс. 621 рублей), 520 голов лошадей, муки и зерна – на 16 тыс. 475 рублей [4, с. 94]. Такие торговые обороты были присущи началу XX века и являются показателем подъёма животноводства.

Такая же ситуация с показателями по животноводству складывалась в Каркаралинском уезде, имевшем репутацию самого «кочевного» уезда Семипалатинской области. В этом уезде были сосредоточены хозяйства, кочующие на самые дальние расстояния в губернии – 300, 390, 776 вёрст. Если в 1910 г. поголовье скота Каркаралинского уезда составляло 610 тыс. 286 голов, то уже в 1917 г. –

1 млн 343 тыс. голов, из них: лошадей – 184 тыс. 034 голов, крупного рогатого скота – 103 тыс. 420, овец – 913 тыс. 279, коз – 111 тыс. 272. верблюдов – 30 тыс. 988 голов [5, л. 30–32].

Необходимо отметить тот факт, что Каркаралинский уезд в отличие от Акмолинского был охвачен более слабой волной переселенческого движения. Здесь существовали лишь отдельные казачьи станицы и крестьянские поселения, такие, как Хорошевское, Николаевское, Богородское и др. По переписи 1917 года в 1917 году в Каркаралинском уезде насчитывалось 3 тыс. 598 осёдлых крестьян [6, л. 8]. Вместе с тем в Каркаралинском уезде так же, как и в Акмолинском и Атбасарском, увеличивается число «бесскотных» и «малоскотных» хозяйств. Например, в Каркаралинском уезде численность первых к 1917 г. насчитывала 728, количество вторых достигало 11 тыс. 773, что констатирует тенденцию к значительной дифференциации среди скотоводов [5, л. 30].

Социальное расслоение в кочевой среде обуславливалось, как известно, двойственностью самой структуры скотоводческой общины, где одновременно существовали коллективная собственность на землю и частная собственность на скот. Именно этот дуализм, как пишет Ж.Б. Абылхожин, разрушал «социальную однородность массы трудящихся индивидов», именно «частная собственность на скот порождала имущественное неравенство», что наводит нас на мысль о неизбежности этого процесса [7, с. 112]. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что эти неизбежные процессы социального расслоения усугублялись и усиливались политикой царизма. Так, например, одной из причин, ускоривших процессы пауперизации среди скотоводов, была налоговая политика царизма. Палитра взимаемых с кочевого населения налогов была весьма разнообразной: «кибиточная подать», размер которой согласно реформе 1891 г. достигал 4,5 рублей с любого вида казахского жилища, земский сбор, установленный в Акмолинской области в 1893 г. (1 р. 80 коп. с кибитки), «билетный сбор», «ремонтная пошлина», почтовая и подводная повинности и масса других платежей. В 1902 г. с казахов Акмолинской области было взыскано 139 тыс. 420 р. земского сбора, кибиточной подати – 266 тыс. 509 р.; в 1910 г. сумма взысканных платежей по первому виду налога достигла 308 тыс. 374 рублей, по второму – 131 тыс. 123 [8–9]. Помимо этих налогов взыскивались различного рода «недоимки» по прошлогодним налогам. Налоговый пресс усиливался злоупотреблениями и поборами со стороны местных должностных лиц и волостных правителей, что ещё более усугубляло положение скотоводов. Таким образом, в начале XX века происходит усиление внеэкономических форм присвоения труда казахского кочевого населения, что выражается в налоговой системе и злоупотреблениях со стороны государственных чиновников.

Выражением социального расслоения, рельефно обозначившегося в начале XX века, являлось интенсивное вовлечение хозяйств в различные промыслы, которыми были вынуждены заниматься наиболее бедные слои населения в надежде поддержать хотя бы минимальный уровень жизни. В Центральном Казахстане численность хозяйств, практиковавших промыслы, колебалась от 11 до 30 % населения. Самый высокий показатель наблюдался в Атбасарском уезде, в котором исследователи разграничили следующие виды промысловых занятий.

Таблица 1

**Виды промысловых занятий
в Атбасарском уезде в начале XX века [10, с. 137]**

Названия промыслов	Общее число промысловиков	Общая сумма денежного заработка
Сельское хозяйство и скотоводство	1001	39035
Ремёсла	121	6465
Охота и рыболовство	2785	109992
Общественная служба и свободные профессии	212	15235
Торговые промыслы	9	935
Строительное дело	11	655
Транспорт	19	1730
Неизвестные	15	665
Итого	4.173	174.712

Данная таблица указывает, что основная часть промысловиков сосредоточивалась в сельском хозяйстве: скотоводстве, охоте и рыболовстве.

В Акмолинском уезде из 16 тыс. 357 хозяйств – 1870 хозяйств были вынуждены обращаться к дополнительным источникам заработка. К 1909 году их численность возросла до 5 тыс. 462 хозяйств [10, с. 146]. В Каркаралинском уезде из 31 тыс. 523 хозяйств с населением 162 тыс. 271 человек, к дополнительным источникам заработка обращались 4 тыс. 743 хозяйства с населением – 6 тыс. 409 человек. Хозяйств, которые применяли наёмный труд, насчитывалось 1015. Это можно проиллюстрировать на примере отдельных волостей. Так, в Абралинской волости из 10 тыс. 500 человек промыслами занимались 689 человек. В Кентской волости, где проживало 7 тыс. 798 человек, к дополнительным источникам заработка обращались 634 человека, то есть чуть меньше 10 % всего населения. В Акчатауской волости из 1 тыс. 373 хозяйств, промыслами занимались 231 хозяйство [6, л. 5].

Вполне очевидно, что основной причиной, побуждавшей людей искать дополнительные или новые источники существования, являлась бедность. В традиционном хозяйстве казахов, где критерием жизненного уровня людей была степень обеспеченности скотом, согласно подсчётам С.Е. Толыбекова, семья из 5–6 человек нуждалась в 15–20 верблюдах с молодняком, 4–5 лошадях, 100–150 головах овец и коз. Ниже этого минимума не могло осуществляться даже простое воспроизводство [11, с. 131]. Согласно данным Руденко, для обеспечения минимальных нужд семьи в пять человек, нужно было иметь столько скота, чтобы поголовье его в общей сложности соответствовало 25 лошадям, исходя из расчёта: 1 взрослая лошадь равняется 6/5 головам взрослого крупного скота или 6 овец или коз [13, с. 95]. По сведениям других учёных, для полуголодного существования семье из 5–6 человек необходимо было иметь 100–150 голов овечьего стада или 17–25 единиц скота, для нормальной жизнедеятельности не менее 150–200 голов овец или 25–33 единиц скота [12, с. 205]. Однако источники показывают, что, например, в Каркаралинском уезде из 31 тыс. 523 хозяйств – 11 тыс. 773 хозяйства считались малоскотными, в частности, имели только лошадей 2 тыс. 732 хозяйства, только коров – 9 тыс. 41 хозяйство; 728 хозяйств совершенно не имели скота [5, л. 30]. Поэтому в структуре промысловиков преобладали мелкие и бедные хозяйства.

В Акмолинском уезде 1/7 хозяйств в процессе сенокосения частично прибегала к найму рабочих, 1/12 хозяйств полностью опиралась на наёмный труд и свыше 3/4 хозяйств убирали сено собственными силами [10, с. 126].

В Атбасарском уезде был популярен так называемый «извозный» промысел, связанный с торговыми операциями ташкентских купцов на атбасарской и петропавловской ярмарках. Весь путь от урочища Кара-Джар, находившегося на слиянии рек Сарысу и Кенгир до Ташкента через Бетпақдалу занимал 50 дней. В Ташкент провозили на верблюдах такие товары, как берёзовая кора, мануфактурные изделия, из Ташкента – рис, хлопок, ковры и т. д. За один пуд товаров караванчики получали от 50 коп. до 1 рубля [9, с. 34].

Итак, панорама промысловых занятий казахов Центрального Казахстана была весьма разнообразной и характеризует сдвиги, происходившие в традиционном хозяйстве казахов. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что они представляли собой лишь вспомогательные статьи доходов, так как основным занятием людей оставалось скотоводство.

Библиографический список

1. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию Степных областей. (МКЗ). Т.2. Акмолинская область. Атбасарский уезд. Воронеж, 1902. 385 с.

2. Обзор Акмолинской области за 1902 г. Омск: Обл. стат. ком., 1904. 40 с. + ведомости.
3. Шарипов М. Баганалинцы // Советская Киргизия. 1924. № 3–4. С. 150–154.
4. Обзор Семипалатинской области за 1907 г. Семипалатинск: Типогр. Семипалатинского областного правления. 1909. 112 с.
6. ЦГА РК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 80.
7. АП РК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 56.
8. Абылхожин Ж.Б. Традиционная структура Казахстана. Социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920–1930 гг.). Алма-Ата: Ғылым, 1991. 240 с.
9. Обзор Акмолинской области за 1910 г. Омск: Обл. стат. ком., 1911. 60 с.
10. Киргизское хозяйство в Акмолинской области по данным повторного статистического исследования в 1907–1909 гг. Т. 4. Атбасарский уезд. Спб., 1910. 321 с.
11. Киргизское хозяйство в Акмолинской области по данным повторного статистического исследования в 1907–1909 гг. Т. 5. Акмолинский уезд. Спб., 1910. 310 с.
12. Толыбеков С.Е. Кочевое общество в XVII–XIX вв.: политико-экономический анализ. Алма-Ата: Наука, 1971. 634 с.
13. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов (Основы жизнедеятельности кочевнического общества). Алматы: Социнвест; Москва: Горизонт, 1995. 320 с.
14. Хазанов М. Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-Пресс, 2000. 603 с.

КАЗАЧИЙ ВОПРОС НА КУБАНИ В 1930-Е ГОДЫ

И. М. Федина

**Кубанский социально-экономический институт,
г. Краснодар, Россия**

Summary. This paper analyzes the processes that have had a significant impact on the destruction of the traditional Kuban Cossack society. The most tragic pages of regional history have been marked by the state's repressive resettlement policy towards the Cossacks.

Key words: Cossacks; resettlement policy; collectivization; deportation.

В начале 1930-х гг. «казачий» вопрос занял особое место в политике советского государства и непосредственно увязывался с политикой сплошной форсированной коллективизации. Кубань как казачий регион со своеобразной этнокультурной общностью юга России испытала все тяготы и лишения советской действительности. Начало процессов коллективизации в регионе повлекло за собой разрушение традиционного казачьего мира, основанного на консервативных ценностях исторического прошлого. Большевики использовали для его ликвидации все имеющиеся в их арсенале средства, главным из которых стало столкновение между собой различных социальных групп, составляющих традиционный кубанский социум, их противопоставление друг другу, углубление

тех противоречий социального, имущественного характера, которые всегда присутствуют в любом обществе.

Большая часть населения Кубани негативно восприняла меры по введению сплошной коллективизации, так как крепкие казачьи и крестьянские хозяйства по определению не стремились к обобществлению. Вследствие нежелания вступать в какие-либо коллективные хозяйства и прямого саботажа казаков их причисляли к враждебным советской власти элементам. Установление социальной уравниловки и проведение репрессий против зажиточных и средних слоев общества создавали в крае атмосферу постоянного поиска врагов новой власти – её классовых и политических противников, равно как и упрочения социально-экономических позиций прозелитов.

По сведениям, приводимым В.Н. Ракачевым, Я.В. Ракачевой, только в 1929 г. от 30 до 35 тыс. хозяйств подверглись «раскулачиванию» и подлежали выселению за пределы края [1]. Имущество репрессируемых непременно конфисковывалось и передавалось в установленном порядке новым переселенцам, которые от форсированного проведения коллективизации оказывались в выигрыше. После принятия постановления ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» выселению подлежали бывшие белогвардейцы, кулаки, имеющие крепкие хозяйства. Однако широкие полномочия, которыми наделялись лица, участвующие в раскулачивании, создавали почву для многочисленных злоупотреблений.

Обращает на себя внимания тот факт, что местные власти, нередко представлявшие интересы бедноты, и состоявшие из иногородних, и проявляли особое усердие в раскулачивании и даже имели место письма в «центр» об увеличении объёмов раскулачивания. К примеру, из протоколов Славянского станичного совета следует, что раскулачиванию подверглось хозяйство Москаленко Матвея, всё описываемое имущество которого составляло из: «1 хаты, 1 комода, 1 стула» [2]. Всё изъятое имущество тут же шло с молотка, а хозяин подлежал выселению. Наряду с этим в кулаки часто записывали лиц и вовсе без наличия недвижимого имущества.

Таким образом, репрессивные меры по отношению к казачеству привели к опустошению многих кубанских станиц. Воспоминания Марии Константиновны Исаевой красноречиво раскрывают поистине страшную картину жизни выселенцев: «У нас было крепкое хозяйство, добротный дом под железной крышей, кузница. Работали своими силами, никаких батраков не имели, и прислуги не имели. Жили, работали и радовались, и вдруг нашлись новые хозяева на чужое добро, всё забрали, разгромили мигом, что было годами приобретено. Выгнали из дома без всего, не разрешали сеять, потом убирать. Всех арестовали, и наступило время покидать родину» [3].

Историк И.И. Алексеенко в монографии «Репрессии на Кубани» приводит характерное высказывание Л.М. Кагановича, произнесённое им на совещании секретарей райкомов партии кубанских районов: «мы не можем [допустить], чтобы кубанские земли, земли золотые, чтобы они не засеивались, засорялись, чтобы на них плевали, чтобы с ними не считались. Есть края, где малоземелье, где земля паршивая. Люди (оттуда, если их переселить на Кубань) будут работать как звери на этой земле. Вот мы им и дадим [её]» [4].

Тем самым душераздирающая человеческая трагедия одних сопровождалась заметным ростом благополучия других людей, пусть и новых для Кубани. На сильно обезлюдевшие в результате выселений казачьи земли начинается планомерное переселение иногороднего элемента. Советское правительство было заинтересовано в ускорении социализации пришлого населения и всячески помогало переселенческому движению. Здесь существовал прямой политико-экономический расчёт на то, что переселение будет способствовать подъёму сельского хозяйства. Поэтому описываемый хронологический период не случайно отмечен коллективными переселениями, которые подкреплялись вполне определёнными мерами, оказавшимися довольно привлекательными для малоземельного беднейшего населения. Переселенцы сразу по приезду получали следующие льготы: наличие хорошего добротного дома с постройками, бесплатный инвентарь, отсутствие всяческих налогов и т. д. Все эти льготы способствовали значительному притоку населения на Кубань не только из соседних регионов (Ставрополье, Калмыкия), но и из центральных районов России. При таком раскладе вещей люди с удовольствием приезжали целыми группами, нередко заранее организованными.

Вот что писали в отчётах переселенцы коммуны «Красный пролетарий» из Славянского района: «Мы добились переселения в одно место нашего колхоза. Коммуна «Красный пролетарий» переселилась в Славянский район в количестве 86 семей. Все вполне удовлетворены жилыми домами и другими видами льгот, которые получили полностью в суммарной их оценке» [5]. В этот же район целенаправленно переселили коммуны «Степной животновод» и «Красный маяк» из Ставрополья. Землю переселенцам выделяли с условием работы именно в коллективных хозяйствах.

Итак, переселенческая политика 1930-х гг. на Кубани породила аграрно-политический тип регулирования миграции населения, когда политически ангажировалось вытеснение одних форм хозяйствования и властно поддерживалось внедрение других, советизированных форм хозяйствования в аграрной сфере. Аграрно-политический тип в этот же период времени дополняется социально-стратификационным типом регулирования миграции населения, когда планомерно перемещались уже целые социальные группы.

Постановлением СНК СССР от 28 августа 1933 г. о переселении на Северный Кавказ 14 000 семей демобилизованных красноармейцев начинается их массовое заселение. [6]. Одной из первых оказалась заселена станица Полтавская, переименованная, естественно, в Красноармейскую, в которой на 1933 г. насчитывалось 2 300 красноармейских хозяйств [7]. Власти проявляли чрезвычайную заинтересованность в этих хозяйствах, поскольку надеялись, что после обустройства красноармейские семьи никуда с Кубани не уедут.

В сводках о политических настроениях отмечалось: «Демобилизованные красноармейцы, прошедшие политическую школу, школу суровой классовой борьбы, ныне, вернувшись в деревню, попавшие в эту мелкобуржуазную стихию, превращаются в доподлинного мещанина, но, однако в проведении государственных кампаний оказывают нашей партии реальную помощь, и на них мы во многом надеемся» [8]. В сложившейся политической обстановке 1930-х гг. демобилизованные красноармейцы внесли не только свой вклад в развёртывание колхозного строительства, но и отчасти способствовали «социальному усмирению» казачьих станиц.

Таким образом, заинтересованность государства в заселении бывших казачьих станиц «новым» населением объясняется рядом причин. Ввиду того, что Кубань – хлебный регион, переселение способствовало созданию коллективных хозяйств, а главное – за счёт «нового» населения власти пытались уменьшить социальную напряжённость. Переселенческое движение стало важным аргументом в репрессивной политике Советской власти против казачества.

Переселение также являлось неотъемлемой составной частью аграрной политики правящей партии большевиков, для которой социальная дисперсия противников становилась методом реализации политического господства. Прямым следствием такого подхода стало разделение сельского социума на новые социальные группы, среди которых власть расставляла новые приоритеты, и на вершине пирамиды социальной стратификации оказывались политически наиболее лояльные власти элементы. Бывшие красноармейцы вообще составили новую для региона социальную группу. В результате формировался новый социальный облик Кубани, где бывшее кубанское казачество нередко оказывалось в роли стигматизированной группы.

Библиографический список

1. Ракачев В.Н, Ракачева Я.В. Народонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование. Краснодар, 2007. Т. 2. 1930–1950. С. 15.
2. ГАКК. Ф. Р-580. Оп. 1. Д. 451 Л. 10–11.
3. Частная переписка Исаевой М.К. с народным музеем станицы Журавской Кореновского района Краснодарского края.

4. Алексеенко И.И. Репрессии на Кубани и Северном Кавказе в 30-е гг. XX в. Краснодар. 1993. С. 39–40.
5. ГАКК. Ф. Р-577 Оп. 1. Д. 160. Л. 7.
6. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИ КК). Ф. 1222. Оп. 1. Д. 214. Л. 103.
7. Докладная записка начальника Политуправления СКВО С. Кожевникова начальнику ПУ РККА Я.Б. Гамарнику о настроениях и работе красноармейцев-переселенцев // Родная Кубань. 2002. № 3. С. 118.
8. ЦДНИ КК. Ф. 8. Оп. 1. Л. 31. Л. 49.

II. ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

А. И. Савельев

Чувашский государственный педагогический университет
им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия

Summary. The author undertakes an attempt to generate a new approach to the definition of political communication. The potential of a civil society depends on association of citizens. It proves convincingly a partner character interaction of civil society with local government.

Key words: political communications; civil society; local government; public power; political actor.

В научном сообществе возрастает большой интерес к рассмотрению объективных потребностей в изменении отношения государства к институтам гражданского общества с помощью коммуникации, которая выражается и зависит от качества информации, полноты информационных потоков, а также возможностей управлять ими. Коммуникация как процесс взаимодействия между людьми, социальными группами и институтами, предполагающий производство и обмен информацией, в условиях информационного общества, по-новому организует общественные отношения, воздействуя на все сферы человеческой деятельности и становясь одной из фундаментальных основ существования и развития общества.

Происходящие масштабные изменения в последние десятилетия во всех сторонах общественной жизни: политике, экономике, культуре, коммуникации, – связаны с динамичным развитием информационных технологий, формированием единого информационного пространства, распространением сети Интернет и технических средств, обеспечивающих постоянный широкий доступ к информационно-коммуникативным каналам. Всё вместе это способствует возрастанию значения информации, коммуникации и, в особенности, политической коммуникации в современном мире.

Политическая коммуникация – процесс передачи, обмена политической информацией, который структурирует политическую деятельность и придаёт ей новое значение, формирует общественное мнение, обеспечивает процесс политической социализации граждан с учётом потребностей и интересов [1, с. 568]. Данное определение фокусирует внимание исследователей на сущностных компонентах этого явления, а также фиксирует основные функции по-

литической коммуникации. Важно, что в этом определении процесс информационного обмена неразрывно связан с важнейшими аспектами взаимодействия слоёв по поводу распределения власти и её использования, достижения интересов и целей.

Следующее определение политической коммуникации выражает деятельность субъектов политики на основе различных сведений, установок, убеждений, мотивов и ценностных ориентаций. Политическая коммуникация – это информационный обмен между политическими акторами, которые взаимодействуют между собой, на основе действия и процесса познания [4, с. 16].

Под политической коммуникацией – процесс передачи политической информации, посредством которого информация циркулирует между элементами политической системы, а также между политической и социальной системами. Непрерывный процесс обмена информацией осуществляется как между индивидами, так и между управляющими и управляемыми с целью достижения согласия» [2, с. 174].

По нашему мнению, политическую коммуникацию можно выразить как определённую совокупность информационных потоков между политическими акторами, осуществляемых в ходе их формальных и неформальных взаимодействий. Необходимо отметить, что актором политическим, воздействующим на процесс принятия и осуществления решений, будет выступать, на наш взгляд, как местное самоуправление в качестве представителя государства на низовом уровне власти, так и самоорганизация граждан, под свою ответственность осуществляющие собственные инициативы по вопросам местного значения на определённой территории.

Следовательно, отношения государства в качестве местного самоуправления и гражданского общества могут иметь самый различный характер коммуникативного воздействия, но они взаимно нуждаются друг в друге, так как каждое из них не является самодостаточным в обеспечении стабильности общественных взаимоотношений и в разрешении проблем, вызванных многообразными социальными рисками. Как актор политический гражданское общество выполняет важные функции: сигнализирует о проблемах, побуждая тем самым государство к активности; инициирует принятие государством важных решений; мобилизует население «снизу» к участию в общественно-политической жизни, формирует культуру гражданственности; контролирует власть и противодействует её авторитарным тенденциям.

В последние годы важное место в рассуждениях о гражданском обществе занимает тема пространства местного самоуправления не только в качестве уровня публичной власти, но и промежуточного звена в строительстве гражданского общества. Это пространство имеет важнейшее значение для развития гражданского общества, так как здесь проявляется способность граждан генерировать общие интересы, формируются представления о гражданских обязанно-

стях и ответственности. Оно структурировано взаимодействиями и коммуникациями акторов гражданского общества друг с другом и с государством. Пространство местного самоуправления (в качестве муниципалитетов) как «место действия» непосредственных обменов гражданского общества с государством.

Местное самоуправление является политическим полем, где происходит встреча государства и гражданского общества в поле политической коммуникации. Для государства – это способ трансляции государственной политики и государственных интересов на местный уровень. Для гражданского общества – это институционализации интересов людей, составляющих местное сообщество и проживающих на определённой территории. Данные интересы, в свою очередь, имеют двоякий характер. С одной стороны, они выражаются в возможности посредством муниципальных органов власти проводить общую волю по отношению к самим членам местного сообщества, а с другой – они заключаются в возможности отстаивать интересы этого сообщества перед лицом государственной власти. Оно остаётся элементом гражданского общества, ассоциацией граждан для решения общих дел. На данном этапе ассоциация представлена в качестве территориального общественного самоуправления (ТОС).

ТОС – эта форма самоорганизации населения по месту жительства и является красноречивым подтверждением того, что активное гражданское общество начинается с местных инициатив: с благоустройства собственного двора и квартала, с самостоятельного решения проблем, связанных с повышением качества жизни, проживающего здесь населения. Общественно-гражданская функция ТОС заключается в стимулировании ответственности жителей в решении вопросов местного значения и в содействии их решению.

Следственно, развитие гражданского общества зависит и от того, как органы власти относятся к гражданским инициативам. При этом область деятельности граждан как общественной власти будет представлена следующим образом: во-первых, через собственное руководство на определённой территории как самоорганизующиеся структуры; во-вторых, в рамках предотвращения различных кризисных ситуаций или в контексте социальной поддержки; в-третьих, в рамках своей компетенции, которая будет выражаться в консультировании и региональном планировании [3, с. 146]. Стратегия взаимоотношений органов власти с самоорганизующимися сообществами должна строиться на диалоге, а не на конфронтации.

Таким образом, потенциал гражданского общества в полной мере зависит от структурированности и системности пространства местного самоуправления. Гражданское общество, являясь неполитической формой самоорганизации социума, способно выступать политическим актором во взаимоотношениях с государством, выполняя ряд важнейших функций. Характер отношений государства

и гражданского общества может быть противоречивым, но они взаимно нуждаются друг в друге, поскольку должны разделить ответственность за смягчение социальных рисков, с которыми столкнулось современное общество. Выражением зрелости гражданского общества является пространство непосредственных взаимодействий и коммуникативных обменов групп гражданского общества между собой и с органами государственной власти по общественно значимым вопросам. Другими словами, должен состояться коммуникативный диалог, который приблизит государство к получению статуса социального, будущее его будет зависеть в большей степени от уровня развития гражданского общества.

Библиографический список

1. Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 2003. 694 с.
2. Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология. М.: Просвещение, 1992. 282 с.
3. Jarren Otfried. Politische Kommunikation in der Mediengesellschaft : Eine Einführung / von Otfried Jarren, Patrick Donges. Wiesbaden, 2011. 282 s.
4. Schulz Winfried : Politische Kommunikation : Theoretische Ansätze und Ergebnisse empirischer Forschung. Wiesbaden, 2011. 393 s.

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

О.В. Безручко, С.В. Ямщиков

**Международный университет природы,
общества и человека «Дубна», г. Дубна, Россия**

Summary. Local government is one of the most important institution of our society. Development of local government is one of the most priority mission our country. The establishment interaction between local government and the population opens possibilities of an establishment and development civil a society which so is necessary for Russia.

Key words: local government; civil society; civil activity; social programs.

Местное самоуправление в России развивается сложно и противоречиво. С 2000 года органы государственной власти Российской Федерации проводят коренную реорганизацию управления на местах, создавая при этом новую систему институтов местного самоуправления. В 2003 году с принятием закона № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» начался новый этап преобразований. Этот документ является вектором развития муниципальных образований страны, определяет перечень вопросов местного значения и обеспечение их решения финансовыми ресурсами, упорядочивает территориальное и бюджетное

устройство муниципальных образований, провозглашает единые принципы функционирования МСУ. Сегодня процесс реформирования системы МСУ вступил в решающую стадию: с 2009 года Закон действует во всех субъектах Российской Федерации без исключения. Каждый из регионов, в рамках действующего закона, выбирает свою форму функционирования и свой путь развития МСУ. Совершенствование самоуправленческих структур Тверского региона происходит по следующим направлениям.

В 2007 году в Тверской области была создана пилотная сеть из 11 межмуниципальных методических центров (ММЦ), обеспечивающих организацию и проведение подготовки, переподготовки и повышения квалификации муниципальных служащих. Были подготовлены учебно-методические и программно-информационные материалы по пяти наиболее актуальным направлениям развития муниципального образования с учётом специфики Тверской области: муниципальное управление; правовые основы местного самоуправления; управление муниципальным имуществом; управление муниципальными закупками; муниципальные финансы; разработаны среднесрочные программы повышения квалификации муниципальных служащих по этим направлениям [4].

Острая для России проблема отсутствия активного гражданского участия в местном самоуправлении не обошла стороной Тверскую область. На её территории проводятся различные мероприятия для устранения этого недостатка. Например, 17 ноября 2010 года учёным советом Тверского государственного технического университета (ТГТУ) был организован круглый стол на тему: «Роль территориального общественного самоуправления (ТОС) в развитии гражданского общества». Участники этого мероприятия обсуждали вопрос: «Как повысить гражданскую активность населения?». Они пришли к выводу, что в Тверской области территориальное общественное самоуправление практически отсутствует.

Согласно результатам социологических исследований, проведённых сотрудниками кафедры социологии и социальных технологий ТГТУ, развитию ТОС препятствуют низкий уровень вовлечённости населения в дела местного сообщества, его слабая информированность, отсутствие специалистов по социально-экономическому развитию микротерриторий, слабая законодательная база.

По данным социологических исследований, из 625 респондентов – жителей Тверской области лишь 16 % доверяют решению жизненно важных вопросов общественным объединениям, 5 % что-то слышали о ТОС и лишь 2 % принимают участие в общественном самоуправлении. Менее 2 % населения связывают надежды на улучшение жизни с деятельностью ТОС. При этом 56 % респондентов считают, что работа по повышению активности граждан, их включению в процессы принятия решений и управления территориями

через органы ТОС сегодня может быть решена только при объединении усилий общественных организаций, работающих в сфере местного самоуправления, и региональных органов власти, органов местного самоуправления муниципальных образований. Также, согласно исследованиям, лишь каждый девятый чиновник считает нужным поддерживать ТОС [2].

Неохотно участвует в ТОС молодёжь. Причина тому – незнание о ТОС и боязнь нести ответственность перед жителями района за свою деятельность. Ещё одним препятствием для создания ТОС является несовершенство правовой базы [1].

В конце декабря 2010 года состоялось Пленарное заседание Общественной палаты Тверской области, на котором обсуждались меры по реализации долгосрочной целевой программы «Развитие институтов гражданского общества Тверской области как эффективного механизма защиты прав и свобод человека, поддержки демократических ценностей в обществе на 2009–2011 годы» [1].

Актуальны для Тверской области в настоящее время и вопросы взаимодействия региональных и муниципальных органов власти, которые стали центральной темой IV съезда членов Ассоциации «Совет муниципальных образований Тверской области» в 2011 году. На съезде члены Ассоциации обсудили пригодность применения различных схем управления в муниципальных образованиях (МО) области. Например, было замечено, что во многих муниципальных образованиях применяются новые схемы управления. В частности, схема, при которой глава МО избирается из числа депутатов представительного органа власти, а глава администрации назначается по контракту решением депутатов. Присутствующие отмечали, что для эффективного функционирования, необходимо исключить угрозу противостояния главы города и главы МО. Между тем в городах Тверской области Ржеве и Твери, где указанная выше схема существует несколько лет, некоторые депутаты представительных органов МО предпринимают меры по возвращению к ранее существовавшей схеме управления путём внесения изменений в Уставы муниципальных образований. Имеется в виду избирать главу МО на прямых выборах населением, а не как сейчас, из состава депутатов представительного органа. При этом предлагается, чтобы глава муниципального образования был по совместительству и главой администрации. В последнее время эти инициативы нашли понимание и поддержку со стороны руководителей Тверской области.

В августе 2011 года в Общественной палате Тверской области состоялось подведение итогов регионального этапа конкурса лучших социально ориентированных проектов некоммерческих организаций «Содействие». Всего на конкурс поступило 66 социально ориентированных проектов, представленных некоммерческими объединениями Тверской области. Делегация из победителей реги-

онального этапа конкурса приняли участие в III-м Всероссийском Фестивале социальных программ в Москве. По итогам Фестиваля Оргкомитет составил рекомендации по совершенствованию практической деятельности, направленной на развитие социальной сферы и гражданского общества в России.

В ноябре 2011 года члены Совета Общественной палаты (ОП) провели очередное заседание, на котором обсуждался план действий по контролю за реализацией областной целевой программы «Модернизация здравоохранения Тверской области на 2011–2012 годы». Общественники разработали перечень основных направлений контроля, среди которых: проведение слушаний, экспертиза документов, мониторинг качества предоставления медицинских услуг, анализ освоения выделенных средств и многое другое [3].

В то же время в Вышнем Волочке прошёл День Общественной палаты Тверской области, где ключевыми стали вопросы усиления взаимодействия властных и общественных структур по защите прав и интересов граждан.

На протяжении последнего времени Комиссия Общественной палаты Тверской области по развитию гражданского общества тесно взаимодействует с кафедрой социологии и социальных технологий ТГТУ. Студенты и преподаватели неоднократно участвовали в проведении исследований тверского «третьего сектора» для подготовки ежегодных докладов ОП, становились участниками пленарных заседаний и «круглых столов» [1].

В октябре 2011 года губернатор Тверской области А.В. Шевелев встретился с группой молодых людей, выступивших с инициативой создания Молодёжного правительства в форме консультативного органа при губернаторе. В её составе – представители молодёжных общественных объединений, предприятий и вузов Твери. Идея является взаимовыгодной, поскольку это даст молодёжи возможность активного участия в жизни общества, а исполнительной власти знания, идеи, энтузиазм молодых. Члены молодёжного правительства смогут присутствовать на заседаниях Правительства области, знакомиться с практикой управления регионом. В ближайшее время будет определён правовой статус молодёжного правительства Тверской области.

Местные органы власти призваны улучшать жизнь населения. Нынешнее время предоставляет большие возможности для реализации этой цели деятельности местного самоуправления. И то, насколько слаженной и продуктивной будет эта деятельность завтра, зависит не только от решений управляющих органов, но и от каждого из нас.

Библиографический список

1. Общественная палата Тверской области. 2009. URL: <http://www.optver.ru/index.php> (дата обращения: 29.11.2011).

2. Пресс-служба Общественной палаты Тверской области. Как повысить гражданскую активность населения? // Общественная палата Тверской области. 2011. URL: <http://www.optver.ru/news/414-2010-11-18> (дата обращения: 16.11.2011).
3. Программа модернизации здравоохранения – под контролем общественности // Общественная палата Тверской области. 2009. URL: <http://www.optver.ru/news/718-2011-11-14> (дата обращения: 16.11.2011).
4. Российские регионы будут учиться у Тверской области развитию местного самоуправления // Тверское информационное агентство Тверьнюс. 2001. URL: <http://ip-188-127-226-88.scalaxy-mkz.net/news/8939.html> (дата обращения: 12.11.2011).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ КОРРУПЦИИ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ (ИССЛЕДОВАНИЯ В Г. СЕМЕЙ ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

А.П. Коновалов

**Семипалатинский государственный университет
имени Шакарима, г. Семей, Казахстан**

Summary. The article contains primary results of sociological survey among adult residents of Semey city (Semipalatinsk) of the East Kazakhstan region. With the help of population the sociologists managed to look at one of the actual problems of a civil society – diffusion of corruption among governmental authorities. The sociologists have reached the research objective and have detected both specific conditions and common social factors of diffusion of corruption at the regional level. The article is of interest both for experts researching the diffusion of corruption in the system of regional governmental authorities and for all others who is interested in "survivability" of this phenomenon.

Key words: sociological survey; corruption; regional governmental authorities; common social factors; motivation of corruption; national traditions in diffusion of corruption; civil justice.

Социологическое исследование проведено в конце 2011 года на территории Семейского региона. Это было плановое исследование, инициированное местным органом госуправления – отделом внутренней политики г. Семей.

Социологический опрос проводился центром социального мониторинга и прогнозирования Семипалатинского государственного университета им. Шакарима. В опросе участвовали 409 горожан, в пропорциях от всех основных категорий взрослого населения, а также территориальных «пятен». В результате получена достаточно полная картина видения горожанами качества работы госструктур и госчиновников с населением. Это крайне важно, так как именно горожане могут более объективно судить о характере взаимоотношений между населением и системой госу-

правления. В отличие, например, от вышестоящих госорганов, которые часто оценивают качество работы подотчётных организаций по формальным признакам и не могут охватить «детали», с которыми сталкиваются жители, придя на приём в госструктуры, где и наблюдают проявления коррупции среди людей, призванных соблюдать законный порядок и гражданскую справедливость. С другой стороны, социологи ещё раз убедились в том, что и среди самих горожан имеются те, кто, придя за получением госуслуг, не очень беспокоятся о соблюдении порядка и стремятся решить свои вопросы незаконным путём. Более того, о чём мы подробнее скажем ниже, имеется немало людей, которые готовы склонить того или иного госчиновника проигнорировать установленный порядок, ущемить интересы других граждан «по-знакомству», за отдельную плату и т. д.

Приступая к исследованию, мы исходили из понятия, что «коррупция» – это социальное действие, направленное на реализацию определённых интересов человека, в обход существующих порядков и гражданской справедливости.

Под гражданской справедливостью мы предполагаем элементарное равенство всех перед законом и между гражданами.

Прикладное значение социологического опроса состоит прежде всего в его общественной актуализации, то есть только тогда от него будет хоть какая-то польза, когда его результаты будут известны и населению, и госчиновникам, когда по ним принимаются соответствующие меры.

Анализ основных результатов исследования проводился по логике размещения вопросов в социологической анкете. Данная логика предполагала соблюдение основных закономерностей восприятия населением социологического инструментария. К тому же для начала нужно было «подготовить» респондентов для откровенного разговора по сути проекта. Прежде всего, мы попытались косвенным путём выяснить, насколько проблема коррупции вписывается в социальную проблематику населения города. Для этого предложили семейчанам отметить не более пяти общественно-значимых проблем (ОЗП), которые беспокоят их больше других. Что из этого получилось, можно видеть по таблице 1, где выделен первый десяток ОЗП по городу в целом и в разрезе возрастных категорий опрошенных в частности.

Таблица 1

Рейтинг общественно-значимых проблем, в %

№ п. п.	Наименования проблем	По региону	В разрезе возрастов					
			18–24 года	25–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 и > лет
1	Рост цен	52,6	38,4	64,1	50,7	57,1	57,8	52,4
2	Безработица	34,0	39,5	34,4	42,0	42,9	26,6	15,9

3	Платное медоб- служивание	31,3	19,8	25,0	27,5	33,3	42,2	44,4
4	Коррупция	27,9	27,9	20,3	26,1	42,9	26,6	23,8
5	Качество медоб- служивания	26,7	20,9	21,9	27,5	22,2	34,4	34,9
6	Состояние эколо- гии	26,2	33,7	29,7	21,7	23,8	26,6	19,0
7	Преступность	25,7	33,7	26,6	20,3	23,8	26,6	20,6
8	Платное образо- вание	22,7	23,3	23,4	30,4	22,2	20,3	15,9
9	Состояние улиц и дорог	22,0	25,6	23,4	18,8	19,0	18,8	25,4
10	Качество образо- вания	18,6	18,6	18,8	20,3	20,6	18,8	14,3

Всего нами выявлено более тридцати общественно-значимых проблем. Среди них коррупция, как видим, находится в первой десятке ОЗП, её отметила третья часть опрошенных горожан. А среди наиболее зрелой части электората, кому 40–49 лет, данная проблема котируется ещё выше (42,9 %). Что это может означать? Это означает, что проблема коррупции в городе оказывается достаточно острой, а потому можно считать, что отдел внутренней политики вполне обоснованно обратился к необходимости детально исследовать эту тему.

В Казахстане многое делается для противодействия распространению коррупции: введены электронные госзакупки, большое количество госструктур сосредоточено в центрах обслуживания населения (ЦОНЫ) и т. д. Однако этого ещё не достаточно, чтобы существенно ограничить влияние коррупции. Что и подтвердили наши респонденты. К примеру, на вопрос: насколько изменилась ситуация в борьбе с коррупцией, мнения респондентов разделились не в пользу прогресса: «улучшилась» – отметили 13,7 %, «осталась без изменений» – 68,0, «ухудшилась» – 18,3.

Если верить горожанам, то действительно можно считать, что радикальных мер в борьбе с коррупцией в госорганах ещё принимается не достаточно. В результате мы увидели то, что и должны были увидеть, проводя социологический опрос: распространение коррупции в госорганах региона вызывает не только беспокойство, но и опасения, даже страх у почти шестидесяти процентов взрослого населения города. Об этом красноречиво свидетельствуют результаты опроса, систематизированные в таблице 2.

Таблица 2

**Рейтинг первого десятка проблем,
вызывающих опасения, страх среди населения, в %**

Вызывают страх редко, часто, регулярно	По региону	В разрезе возрастов					
		18–24 года	25–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 и > лет
Рост цен	77,5	69,8	70,3	82,6	84,1	85,9	74,6
Опасения за личную безопасность, безопасность близких	75,8	73,3	70,3	76,8	88,9	78,1	68,3
Ухудшение собственного здоровья	74,6	66,3	67,2	79,7	79,4	78,1	79,4
Ухудшение экологической ситуации	65,0	66,3	62,5	66,7	60,3	71,9	61,9
Снижение доходов, бедность	61,9	55,8	62,5	62,3	79,4	67,2	46,0
Распространение коррупции	58,9	61,6	57,8	65,2	65,1	54,7	47,6
Распространение алкоголизма, наркомании	53,8	58,1	45,3	55,1	52,4	57,8	52,4
Задержки с выплатой зарплаты	50,9	51,2	50,0	63,8	65,1	43,8	30,2
Потеря работы, возможности учиться	48,2	55,8	54,7	55,1	50,8	45,3	23,8
Потеря собственного (семейного) бизнеса (и др.)	33,5	29,1	39,1	47,8	36,5	26,6	22,2

Далее мы попытались выяснить, как население относится к госчиновникам в целом, а также к таким явлениям, как «знакомства» и «взятки» при исполнении ими служебных полномочий – в контексте некоторых других вопросов, чтобы особо не заострять интересные нас моменты. В таблице 3 подробно показаны результаты ответов респондентов на указанные опросы.

Таблица 3

Отношения респондентов к некоторым категориям населения, а также к коррупционным проявлениям, в %

Рейтинг результатов ответов только по варианту «отношусь с раздражением, неприязнью»	По региону	В разрезе возрастов					
		18–24 года	25–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 и > лет
К тем, кто берёт взятки	50,5	53,9	30,0	39,7	56,7	65,5	58,9
К тем, кто даёт взятки	46,7	53,3	32,8	32,8	49,1	56,1	56,1
К людям, стремящимся решать свои вопросы «по-знакомству»	38,1	39,5	26,8	22,8	37,3	46,4	55,4
К госчиновникам в целом	22,8	21,3	23,2	17,7	24,1	27,3	24,1

К богатым, состоятельным людям	9,0	6,7	10,2	3,2	11,7	14,3	9,1
К людям иной веры	5,9	6,2	6,7	6,6	10,7	3,4	1,8
К людям другой национальности	2,6	2,4	6,5	-	5,2	-	1,7

Приведённые в таблице 3 данные опроса представляются и интересными, и поучительными. Во-первых, большая часть населения отрицательно относится к коррупции и коррупционерам. Во-вторых, именно коррумпированность среди госчиновников вызвали у значительной части населения (22,8 %) «неприязнь» и «раздражение» к госслужащим в целом. Это не очень благоприятная ситуация, когда мы говорим об авторитете людей, чей долг – это честное служение Отечеству и казахстанцам.

Среди населения, это видно и по данным опроса, имеются те, которые сами мотивируют некоторых (а может быть и многих) чиновников на нарушения служебного положения, на решение вопросов только в пользу обратившихся. Ниже, в таблице 4, мы показали ответы на конкретный вопрос – об отношениях к такого рода «заявителям».

Таблица 4

Как Вы относитесь к просьбам, обращениям людей к родственникам, друзьям, знакомым, выполнение которых, скажем, требует нарушений установленного порядка или служебных инструкций, в %

Варианты ответов	По региону	В разрезе возрастов					
		18–24 года	25–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 и > лет
Затруднились ответить	16,6	14,0	23,4	17,4	15,9	15,6	14,3
Отрицательно	48,7	52,3	43,8	47,8	46,0	45,3	55,5
Положительно	16,6	11,7	18,7	15,9	17,5	15,6	22,2
В зависимости от того, кто обращается. Иногда просьбы некоторых людей трудно не выполнить	16,4	18,6	14,1	17,4	17,5	21,9	7,9
Другое	1,7	3,5	-	1,4	3,2	1,6	-

В таблице 5 мы показали результаты уточнения мнений опрошенных по поводу тех категорий людей, «просьбы» которых «выполняются госслужащими в первую очередь».

Таблица 5

Уточните Ваше мнение по поводу тех категорий людей, индивидуальные обращения которых госслужащими, как правило, выполняются, причем в первую очередь, в %

Обработано без вариантов «Затрудняюсь ответить» и «С такими случаями не сталкивался»	По региону	В разрезе возрастов					
		18–24 года	25–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 и > лет
С такими случаями не сталкивались	26,9	30,2	21,9	21,7	30,2	26,6	30,2
Затруднились ответить	15,2	9,3	15,6	17,4	19,0	15,6	15,9
Скорее, это члены одной семьи (родители и дети)	60,3	57,7	77,5	50,0	56,3	64,9	55,9
Состоятельные лица	45,1	40,4	55,0	38,1	50,0	45,9	44,1
Руководители, их замы	40,5	40,4	45,0	42,9	46,9	43,2	23,5
Братья, сёстры	37,6	44,2	42,5	33,3	34,4	18,9	50,0
Коллеги по работе, учёбе	26,6	40,4	22,5	31,0	18,8	24,3	14,7
Сваты	16,9	15,4	10,0	9,5	25,0	18,9	26,5
Преподаватели, учителя	8,9	11,5	5,0	11,9	9,4	5,4	8,8
Другие	1,3	3,8	-	2,4	-	-	-

Судя по категориям, указанным в таблице 5, трудно не согласиться с теми респондентами, которые отметили: «коррупция неискоренима». Хотя, как известно, существует некоторый предел распространения коррупции. Именно к нему пытаются приблизить многие меры в сфере госзакупок (электронные), оказания услуг при выдаче документов (ЦОНЫ) и др. Однако, как видим, и среди населения, и среди госчиновников находятся те, для которых даже самые запретные сферы могут оказаться темой для «знакомства», не говоря уже о более доступных услугах.

Именно об этом можно судить, глядя на материалы опроса в следующей таблице (таблица 6).

Таблица 6

Респонденты о распространении коррупции, в %

Вопросы и ответы	По региону	В разрезе возрастов					
		18–24 года	25–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 и > лет
1. По Вашим наблюдениям, насколько значительно получила распространение практика обращения к госслужащим с просьбами решать вопросы в нарушение установленного порядка ...							
Затруднились ответить	28,9	35,5	35,1	31,1	30,3	23,5	15,1
Скорее, значительно, значительно	46,9	35,6	51,4	44,8	60,6	44,1	48,5
Не значительно, скорее, не значительно	24,2	28,9	13,5	24,1	9,1	32,4	36,4

2. А Вам приходилось в 2011 году обращаться лично или через кого-то к госслужащим с просьбой (просьбами) решить какой-то вопрос в обход установленного порядка...							
Нет, не приходилось	79,2	82,6	78,1	79,7	79,4	71,9	82,5
Приходилось	20,7	17,4	21,9	20,3	20,6	28,1	17,4

Как видим, процент тех, кто обращался через «знакомства» решить свои интересы достаточно велик (более двадцати процентов). Ещё больше тех, кто «одобряет» и «безразлично» относится к коррупции (более тридцати процентов). Следовательно, нужно говорить и о том, что обуславливает «одобрения» горожан и мотивирует у них интерес к «знакомствам». Разумеется, только невысоким уровнем гражданской культуры причины коррупции не объяснишь. Нужен поиск и других факторов. Об одном из них мы свидетельствуем в таблице 7. Речь идёт о способности госслужащих оказать необходимую помощь или удовлетворить интерес заявителя в официальном порядке. Во-первых, не всё, что может желать горожанин, находится в руках конкретного госчиновника. Во-вторых, не каждый чиновник проявляет достаточный профессионализм в реализации обращения. Очевидно, эти два обстоятельства и проявились в данных опроса указанных в таблице 7, где мы привели те госструктуры, по результатам обращения в которые оказалось удовлетворённых 50 и менее процентов

Таблица 7

**Респонденты о результативности обращений
в некоторые госорганы в 2011 году, в %
(расчёты только из числа тех, кто обращался)**

Только вариант «Остался удовлетворён» после обращения...	По региону	В разрезе возрастов					
		18–24 года	25–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 и > лет
В отдел ЖКХ, пассажирского транспорта и автодорог	50,0	50,0	25,0	40,0	42,9	72,7	83,3
В отдел дорожной полиции	48,4	57,1	57,1	50,0	-	75,0	66,7
В УВД, райотделы полиции	46,4	50,0	20,0	57,1	57,1	50,0	33,3
В отделы аппарата акима	43,8	-	50,0	66,7	100,0	33,3	20,0
В секретариат гормаслихата	40,0	-	-	50,0	50,0	33,3	50,0
В управление юстиции	37,0	-	14,3	100,0	50,0	-	-

В таблице 8 приведены самые распространённые недостатки, которые встречали респонденты при посещении органов госвласти и управления.

Таблица 8

**Респонденты о самых распространенных недостатках
при обслуживании населения в органах
госвласти и управления, в %**

Наименования недостатков	По ре- гиону	В разрезе возрастов					
		18– 24 года	25– 29 лет	30– 39 лет	40– 49 лет	50– 59 лет	60 и > лет
Не обращались, не сталкивались, за- труднились назвать	23,2	16,3	26,6	24,6	20,6	25,0	28,5
Из числа обратившихся (76,8 %):							
Очереди	63,4	62,5	68,1	63,5	60,0	56,3	71,1
Обслуживание «по- знакомству»	54,8	50,0	55,3	55,8	66,0	41,7	62,2
Волокита	51,9	45,8	57,4	61,5	48,0	52,1	48,9
Грубость	41,4	44,4	46,8	38,5	46,0	37,5	33,3
Невнимание, без- различие	34,7	38,9	44,7	40,4	24,0	27,1	31,1
Плохая организа- ция обслуживания	23,2	27,8	21,3	13,5	30,0	20,8	24,4
Недостаток профес- сионализма	22,9	25,0	17,0	13,5	28,0	31,3	22,2
Недостаток инфор- мации	16,2	20,8	12,8	26,9	16,0	6,3	11,1
Обслуживание в ос- новном на русском языке	13,7	15,3	14,9	9,6	12,0	12,5	17,8
Вымогательство	11,8	9,7	12,8	11,5	18,0	10,4	8,9
Обслуживание в ос- новном на казах- ском языке	6,7	8,3	6,4	5,8	6,0	2,1	11,1

В заключение приводим некоторые наиболее характерные пожелания руководству региона по повышению культуры обслуживания и снижению коррупции в органах госвласти и управления.

- Госчиновникам выполнять свои обещания.
- Работать по государственным законам.
- Каждый должен честно работать на своём месте.
- Оставаться человеком.
- Относиться ответственно к своей работе.
- Показывать на личном примере образованность, толетарность, доброжелательность, честность и другие гражданские качества.
- Принимать проблемы людей как свои собственные.

- Регулярно проводить ротацию среди госчиновников.
- Честно выполнять свой служебный долг.
- Снизить цены за учёбу.
- Бюджетникам увеличить зарплату.
- Повысить заработную плату в медорганизациях.
- Повысить пенсии и пособия инвалидам труда.
- Вести жесткую борьбу с коррупцией.
- Желаем удачи в борьбе с коррупцией.
- Контроль за религиозными течениями.
- Повысить зарплату чиновникам, чтобы меньше вымогали.
- Увеличить уголовную ответственность за коррупцию.
- Культура обслуживания населения у нас еще очень низкая, везде большие очереди. Например, в ЗАГСе, ЦОНах, в больницах. Прошу акима на это обратить внимание.
- Обратить внимание на компетентность сотрудников госучреждений, в т. ч. на профессионализм и качество работы сотрудников в Выплатном центре.
- Пожилым людям нужны льготы на сдачу документов в ЦОНах.
- Равноправие по отношению к людям во всех госструктурах.
- Соблюдать Кодекс чести госслужащих, своевременно и в установленные сроки реагировать на запросы и обращения граждан.
- Соблюдать чистоту в городе, улучшить работу ЖКХ (обратить внимание на работу горводоканала по устранению аварий в частном секторе).
- Улучшить состояние города, а также улиц и дорог, и не только в центре, но и на окраинах.
- Бесплатное образование, повысить культуру учителей и их ответственность за свою работу.
- Чтобы не брали взятки в вузах, проводить рейды по объектам образования.
- Ввести льготный проезд для студентов.
- Привлекать общественность к контролю за деятельностью госчиновников.
- «Всё равно ничего не изменится...».
- «Поздно, ничего уже не сделать...».
- Бесплатное медобслуживание.
- Улучшить работу медучреждений.
- Чаще проводить рейды по объектам здравоохранения.
- Освещать ход борьбы с коррупцией в СМИ.
- Публиковать в прессе и критику, и добрые факты.
- Правоохранительным органам оперативно реагировать на заявления граждан.
- Нормализовать работу «ГАИ».
- Обновить все органы власти молодыми патриотически настроенными людьми.

- Провести реформу в госструктурах и др.

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАХИ ЖИТЕЛЕЙ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ф.А. Артеменков

**Уральский федеральный университет
им. Первого президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия**

Summary. This article is devoted to social fears. This is a very actual problem of our society. The author shows a new to describe this problem

Key words: social fear; sociology; fear of future; research.

Актуальность изучения социальных страхов не может подвергаться сомнению в настоящее время. XX век, век технологий и открытий, породил огромное количество проблем, тревог и опасностей. Две мировые войны, множество локальных войн, экономические кризисы, различные геополитические катастрофы, рост информационной насыщенности – всё это является причиной возникновения и чрезвычайно быстрого распространения различных по своей природе и предмету социальных страхов. Социальные страхи проявляются как совокупность различных по силе и степени осознанности отдельных типов социальных страхов.

Под социальным страхом мы будем понимать кратковременную эмоцию, порождаемую у человека действительной или воображаемой опасностью. Причины его у индивида носят социокультурный характер.

Существует множество различных типологий социальных страхов, однако ни одна из них не является полной – вследствие чрезвычайного разнообразия и большого количества социальных страхов.

Объектом нашего исследования являются жители Свердловской области в возрасте от 18 лет и старше. Предметом – социальные страхи жителей Свердловской области.

Поскольку основной целью нашего исследования является выявление различий в страхах больших социальных групп, наиболее подходящей для достижения поставленных целей является количественная стратегия. А на уровне отдельного метода будет использоваться раздаточное анкетирование, что обусловлено поставленными целями и задачами.

В ноябре 2011 года было проведён этап сбора информации. Для отбора в выборочную совокупность использовался целевой отбор. Всего в выборочную совокупность вошли 270 человек. Из них

135 мужчин и 135 женщин. По 90 человек в каждой из трёх возрастных групп, молодой (18–30 лет), средней (31–49) и старшей (50 и старше). По 90 человек из трёх типов населённых пунктов: большого города, малого города, посёлков городского типа. Такое распределение не отражает реально существующее распределение в генеральной совокупности, но оно было необходимо для решения поставленных задач и выявления различий в страхах между группами. Были опрошены респонденты с разным уровнем образования. Половина опрошенных не имеет высшего образования. А половина имеет одно и больше высшее образование.

Общая характеристика страхов и уровня тревоги жителей Свердловской области.

В рамках этого аспекта мы измеряли несколько показателей: уверенность в завтрашнем дне, страхи, испытываемые когда-либо раньше и страхи, испытываемые сейчас, оценка частоты предлагаемого списка страхов. По нашим данным, абсолютное большинство, 9 из 10 опрошенных человек отмечает, что им случается испытывать чувство страха. Но почти две третьих опрошенных отмечают, что они в той или иной степени чувствуют уверенность в завтрашнем дне. Можно сделать вывод о том, что в целом жители Свердловской области характеризуются наличием страхов, но тревога появляется только при возникновении проблемных ситуаций, являющихся своеобразным катализатором для возникновения страхов.

Важным для понимания специфики социальных страхов является распределение страхов, которые раньше испытывали жители Свердловской области. Каждый тип страха так или иначе испытывался хотя бы одним респондентом. Более половины жителей ранее испытывали страх за своё здоровье, треть опрошенных – страх будущего. Четвёртая часть респондентов отмечали, что ранее они испытывали страх оказаться жертвой преступления.

Говоря о страхах, которые респонденты испытывают сейчас, можно сказать, что число испытывающих страх за своё здоровье, увеличивается на четверть, по сравнению с прошлым. Число людей, испытывающих страх перед будущим, увеличивается, но не существенно, а на третье место по численности выходит страх одиночества. Треть опрошенных говорят, что испытывают этот тип страха в настоящее время. Можно сделать вывод, о том, что жители Свердловской области испытывают чувство социальной незащищённости. Кроме того, среднее количество страхов, которые респонденты испытывали раньше, составило 2,567, а среднее количество страхов, которые респонденты испытывают сейчас, составило 2,656. На основании этого можно предположить существование тенденции к росту тревожности в обществе, на фоне роста экономической нестабильности и политической напряжённости.

Таблица 1

Общий индекс частоты страхов

Тип страха	Индекс:*	Ранг
Страх за своё здоровье	0,546	1
Страх будущего	0,351	2
Страх одиночества	0,252	3
Страх ответственности	0,251	4
Страх оказаться жертвой преступления	0,248	5
Страх реформ	0,221	6
Страх выступления перед большой аудиторией	0,213	7
Страх потерять работу	0,205	8
Страх техногенных катастроф	0,151	9
Страх оказаться жертвой терроризма	0,138	10
Страх массовых беспорядков	0,137	11
Страх нищеты	0,128	12
Страх голода	0,100	13

**индекс рассчитан по формуле средней арифметической взвешенной и может принимать значения от 1 до 0, где 1 – «постоянно», а 0 – «никогда».*

Как видно из таблицы № 1, первое место по частоте испытываемых страхов занимает страх за своё здоровье, далее идёт страх будущего и страх одиночества. Реже всего респонденты испытывают страх голода. Скорее всего, такое распределение обусловлено реальным беспокойством населения относительно своего здоровья и своего будущего и недоверием к системе здравоохранения России, вероятно, основанным на личном опыте. Странным также является то, что на фоне двух крупных глобальных катастроф, произошедших за последние два года, аварии на АЭС Фукусима и разливе нефти в Мексиканском заливе, страх техногенных катастроф занимает лишь 9 место.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что жителей Свердловской области беспокоят определённые типы социальных страхов. Чаще других беспокоят страх за своё здоровье и страх будущего. На наш взгляд это объясняется тем, что эти страхи связаны не с личной активностью индивида, а зависят от внешних обстоятельств. Например, никакие действия индивида не сделают будущее абсолютно известным, и это порождает страх будущего. Несмотря на нестабильную экономическую ситуацию, такие экономические страхи, как страх нищеты и страх голода, беспокоят жителей Свердловской области очень редко.

СОЦИАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ОСНОВА ПОДДЕРЖИВАЮЩЕЙ КОММУНИКАЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРУКТУР В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ

М. В. Захаров

**Нижегородский институт управления,
г. Нижний Новгород, Россия**

Summary. We study the formation of social and political structures in the Information Society. It is shown that the basis for communicative models of a democratic society should be based on humanitarian and social information technology. We present empirical results obtained by the author during his election campaign to determine the characteristics of the information culture of electoral targetgroups.

Key words: socio-political structures; social information technology; electoral process; communication model; information culture.

Формирование и развитие социально-политических структур в условиях развития информационного общества в России в настоящее время неотделимо от формирования и развития эффективных моделей публичной коммуникации [1]. Уровень развития информационных технологий и глобальная компьютеризация с необходимостью включают в коммуникативные процессы социального производства (наряду со «стандартными» субъектами информационной политики в лице государства и общественно-политических структур) новых субъектов, составляющих сложную структуру современного российского гражданского общества. Поскольку одной из целей социально-политической коммуникации является поддержание политической стабильности на территории регионов и государства, адекватные модели коммуникации на базе социально-информационных технологий должны транслировать новые смыслы в формирующееся социальное пространство российских регионов. Значительный интерес к исследованию социальных технологий как одного из инструментов социального управления в формировании социально-политических структур связан с необходимостью изучения инновационных методов и приёмов социального воздействия. Не менее очевидно и то, что приемлемое с точки зрения социума решение и социальных, и экономических проблем российского общества уже не может быть найдено без демократических политических институтов, среди которых один из наиболее значимых – институт выборов. Поскольку социально-политические структуры в современных условиях российских регионов формируются и трансформируются в демократические социальные институты, прежде всего, в избирательных процессах, закономерным представляется

научный интерес к исследованию особенностей региональных избирательных процессов и отдельных кампаний, дающих адекватные эмпирические данные как для разработки гуманитарных коммуникативных моделей, так и для оценки и прогноза общих тенденций регионализации жизни российского общества [2].

Среди факторов, необходимых для эффективного использования социально-информационных технологий в современной публичной коммуникации, необходимо выделить характеристику, присущую отдельной личности как индивидуальному потребителю информации. Эта характеристика – информационная культура человека, гражданина, личности. С нашей точки зрения, информационная культура личности проявляется через информационное поведение, отражающее позиционирование социально-политических структур в массовом сознании. В связи с этим гуманитарная, а не императивная модель массовой коммуникации в избирательном региональном процессе должна учитывать как навыки и умения целевых электоральных групп в работе с социальной информацией, так и способность граждан к осмыслению собственного информационного поведения. Кроме того, построение адекватной модели предполагает понимание субъектом информационной политики общих законов информационного развития общества в рамках правового поля [3]. Поскольку информационное поведение личности в условиях повышенного уровня информационного шума ведёт к экономии усилий при отыскании требуемой информации, то эффективность социально-информационных технологий существенно зависит от сложившихся форм и традиций информационной культуры целевых групп. Это и усилия, которые потребитель информации готов потратить на её поиск, и оптимизация при выборе источников информации, и способы анализа полученной информации и т. п.

Результаты, дающие представление об особенностях интереса избирателей к информации и культуре восприятия информации, были получены автором в ходе региональной избирательной кампании 2010 года на территории городского округа города Дзержинска. Наиболее популярным средством массовой информации на территории остаётся телевидение. Среди телеканалов наиболее популярны федеральные каналы, к ним же и наибольшее доверие. Среди региональных каналов наибольшим доверием избирателей пользуются местный ТК «Дзержинск» и региональный «Сети НН». Газеты читают около 60 % избирателей города, при этом 37 % избирателей читает, а половина из них доверяет местной газете «Дзержинское время». На втором месте по популярности находится сразу несколько изданий: «Дзержинские ведомости», «Горожане», «Репортёр и время», «Дзержинская панорама», «Феликс плюс». Этим изданиям полностью доверяют читающие их 20 % избирателей. Остальные газеты пользуются доверием около 5 % избирателей. Та-

ким образом, рейтинг чтения практически совпадает с рейтингом доверия. Этот феномен позволяет говорить о том, что избиратели города практически без критики относятся к газетам и доверяют почти всему, что читают, демонстрируя недостаточно развитую информационную культуру личности, которая имеет все возможности для развития в условиях крупного города с современным технологическим комплексом коммуникаций.

Безусловно, эффективность социально-информационных технологий зависима не только от информационной культуры отдельной личности, но в значительной мере – и от целей государственной информационной политики, и от её региональных факторов. В условиях становления информационного общества необходимо полноценно развивать однородное информационное пространство страны с учётом особенностей социокультурных факторов и традиций регионов. В противном случае, оказываясь за рамками действия позитивных социально-информационных технологий, в условиях жесткой конкурентной предвыборной борьбы политических оппонентов, часть из которых ориентирована на победу «любой ценой», граждане испытывают воздействие «грязных» технологий. Такого рода технологии не только не способствуют становлению демократических социально-политических структур, но провоцируют электоральное поведение, снижающее доверие к действующим социальным институтам и несущее угрозы социальной стабильности. Тем самым государство как социально ответственный субъект информационной политики обязано ставить цели повышения уровня информационной культуры и гуманитарного содержания коммуникативных процессов для поддержания стабильности и социальной адаптации граждан, независимо от региона их проживания.

Библиографический список

1. Арсеньева Т.И. Формирование информационной среды региона: монография. Н. Новгород: изд-во Нижегородского ун-та, 2000. 207 с.
2. Арсеньева Т.И. Коммуникативные технологии в избирательном процессе: монография. Н. Новгород: изд-во Гладкова О.В., 2001. 50 с.
3. «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. N Пр-212» // Российская газета. Федеральный выпуск. № 4591. 16 февраля 2008.

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Э.Р. Карамова, З.М. Хасанов

Башкирский государственный аграрный университет,
г. Уфа, Россия

Summary. In Russia still the force capable independently to head process of modernization socially wasn't issued. Inability of a present political class (the authorities and oppositions) to deduce Russia on a steady trajectory of modernization are put by a society before necessity of searches of the paradigm including strategy of economic and political development.

Key words: modernization; political system; economic development; society; social emancipation.

В большинстве своём отечественные авторы неоднозначно оценивают происходящие в современной России процессы. А. Фадин в своей статье «Модернизация через катастрофу» утверждает, что политическая система страны (России) не реформируема, резких скачков, потрясений, в частности модернизации, не существует. И сама модернизация есть не более чем «мутация» общества [1].

Цель модернизации – общество, системообразующими компонентами которого являются: завершённый общенациональный цикл воспроизводства, структурно и функционально развитая система политического представительства, реальный политический субъект. Стратегия модернизации – комплекс экономических, политических и культурных инициатив, синхронная реализация которых предполагает «осовременивание» общества. Стратегия включает в себя 4 основных проблемы:

1. Разработка средне- и долгосрочной стратегии развития общества, целью которой станет устойчивое преобразование существующей дуалистической социально-экономической структуры и создание предпосылок для органической интеграции России в мировое хозяйство.

2. Установление отвечающего условиям сегодняшнего российского общества равновесия между признаками частной инициативы и государственной интервенции в хозяйстве.

3. Приведение профессионально-интеллектуального уровня правящих групп в соответствие с требованиями управления обществом в условиях его перехода на более высокую ступень социально-экономического развития и политической системы с более сложной организацией.

4. Качественное обновление основных политических институтов и содержания их деятельности, а также выработка свода принципов и норм государственного управления.

Ориентирами же стратегии трансформации современного российского общества выступают:

1) создание условия для функционирования гражданского общества,

2) построение модели соотношения власти и собственности, политики и экономики, в которой сильная государственная власть занимала бы доминантные позиции в системе хозяйственных связей, владела бы рычагами управления или влияния на основные базовые отрасли экономики, располагала бы достаточными возможностями для мобилизации ресурсов при решении общенациональных задач [2].

Библиографический список

1. Лапин Н. И. Проблема социокультурной реформации в России: тенденции и препятствия // Вопросы философии. 1996. № 5. С. 21.
1. Сухарев Ю. А. Ориентиры обновления российского общества // Вестник Московского Университета Сер. 18. Социология и политология, 2000. № 1. С. 15.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. ВОСТОЧНО-СИБИРСКИЙ РЕГИОН: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

А.А. Курмаева

**Институт социальных наук Иркутского государственного
университета, г. Иркутск, Россия**

Summary. In the given work, we will consider international relations of Eastern Siberia. The foreign policy of this region has Asian direction. Eastern Siberia should strengthen relations with The Pacific Asian countries, because it will develop the region and country.

Key words: region; regional policy; international relations; Eastern Siberia; Asia-Pacific region.

Изменения России после 90-х гг. XX века, носившие обширный характер, в том числе политические, правовые и экономические, показали важность таких понятий, как «децентрализация» и «регион». Постепенно полномочия на региональном уровне стали нарастать, формируя новое понимание региона властью. В утверждённых Президентом РФ «Основных положениях региональной политики в РФ» 1996 года под данным понятием подразумевается «часть территории Российской Федерации, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий. Регион может совпадать с границами территорий субъекта Российской Федерации либо объединять территории не-

скольких субъектов. В тех случаях, когда регион выступает как субъект права, под ним понимается только субъект Российской Федерации» [6]. В нашей работе понятие «регион» будет рассмотрено как субъект права, субъект Федерации.

Россия как федеративное государство наделяет регионы некоторой властью, поскольку в динамично развивающемся мире на этом уровне общественные изменения лучше чувствуются и для принятия решений необходимо гораздо меньшее число согласований. Конечно, основное место для установления международных внешнеэкономических связей остаётся в федеральном центре, однако не только он участвует в формировании внешней политики.

Сейчас большое внимание в научной среде уделяется Восточной Сибири, чьё геополитическое значение возрастает в связи с намерением Российской Федерации активно сотрудничать с Азиатско-Тихоокеанским регионом. Также стоит упомянуть о таких международных партнёрах, как Китай, ЮАР (сотрудничество с Якутией), Япония, европейские страны и страны Центральной Азии. Как видно, внешнеэкономическая деятельность рассматриваемого нами региона не ограничивается лишь соседними государствами.

Сотрудничество региона с зарубежными партнерами происходит во многих областях, таких, как экономическая, социокультурная, гуманитарная и пр. Приоритетным направлением является экономика. И основными партнёрами выступают близлежащие страны, которые относятся к АТР. Утверждённая распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 г. «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» подтверждает перспективным направлением сотрудничество с данным регионом [8]. Об этом же свидетельствует «Концепция внешней политики РФ» от 12.06.2008 г., которая указывает: «в контексте многовекторной внешней политики Российской Федерации важное и всё возрастающее значение имеет Азиатско-Тихоокеанский регион, что обусловлено принадлежностью России к этому динамично развивающемуся району мира, заинтересованностью в использовании его возможностей при реализации программ экономического подъёма Сибири и Дальнего Востока, необходимостью укрепления регионального сотрудничества в сфере противодействия терроризму, обеспечения безопасности и налаживания диалога между цивилизациями» [7]. В таком случае Восточная Сибирь займет место транзитного центра, будет служить своеобразным мостом между АТР и Европой.

Помимо указанного направления, важную роль играет ранее упомянутое партнёрство с КНР. И от имени России международным партнёром выступает рассматриваемый нами регион – Восточная Сибирь. Географическая близость предполагает постоянные экономические контакты, объёмы российско-китайской торговли нарастают. И здесь перед регионом стоит главная задача – повысить кон-

курентоспособность российских компаний. В противном случае существует угроза потерять огромный рынок. То же самое касается и энергоресурсов, которые предлагает Россия. Если сейчас не будет найден тот сегмент услуг, товаров, в которых будут нуждаться китайские партнёры, мы останемся лишь сырьевым придатком.

Ещё одним аспектом сотрудничества с КНР является миграция в Сибирь. Увеличивающееся количество китайцев в России привело к страху китайского ирредентизма среди русского населения [1]. Этот аспект должен рассматриваться и решаться как один из элементов российско-китайских отношений. И роль Восточной Сибири здесь решающая. Необходимо диверсифицировать региональные международные связи, отказаться от сугубо экспортно-сырьевых операций.

Возрастающее значение азиатского направления и признание роли регионов во внешней политике России ставит перед государством вопрос о совершенствовании осуществления международных связей Восточно-Сибирским регионом. Региону необходимо повышать развитие путём получения поддержки из центра по федеральным программам и в условиях дополнительного финансирования. Также следует создать сильную транспортную и социальную инфраструктуру, увеличить приток населения (пока оно лишь мигрирует в центральную часть России). Это будет способствовать развитию субъектов и достижению стратегических целей России.

Библиографический список

1. Алексеев Михаил. В тени «Балкан Азии»: Антикитайская угроза и враждебность на Дальнем Востоке России // Cambridge University Press. 2006. С. 111
2. Гладкий Ю.Н. Социально-экономическая география. М., 2000.
3. Гладкий Ю.Н. Чистобаев А.И. Основы региональной политики. СПб, 1998.
4. Гранберг А.Г. Основы региональной политики. М., 2000.
5. Конституция Российской Федерации. М., 1996.
6. Указ Президента Российской Федерации «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации» от 3 июня 1996 года // Российская газета. 1996. 11 июня.
7. «Концепция внешней политики Российской Федерации» (утв. 12.07.2008. № Пр-1440). URL: <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=85021> (дата обращения: 14.01.2012).
8. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р (ред. от 08.08.2009) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года». URL: <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=90601> (дата обращения: 14.01.2012)
9. Федеральный закон от 04.01.1999 N 4-ФЗ "О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации" (ФЗ от 04.01.99 №4 ФЗ; принят ГД ФС РФ 02.12.98). URL: <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=21476> (дата обращения: 14.01.2012)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГОВ КАК ИНСТИТУТА МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

С. В. Федорченко

Институт социологических наук Иркутского
государственного университета, г. Иркутск, Россия

Summary. The author investigates the nature of federal districts and their activity as an interregional integration institute. It is also defined such terms as “interregional integration” and “interregional integration institute” in the article. The author emphasizes importance of establishment the institutes for the territory development and the population welfare.

Key words: interregional integration; interregional integration institute; federal district.

На 2011 год в Российской Федерации насчитывается 8 федеральных округов: Центральный, Северо-Западный, Южный, Северо-Кавказский, Приволжский, Уральский, Сибирский и Дальневосточный [1; 2; 3].

Изначально созданные для построения и укрепления так называемой «вертикали власти», федеральные округа также выступают в роли жёстких институтов межрегиональной интеграции [7; 8]. Поэтому в данной статье мы стремимся не столько углубиться в природу федеральных округов, сколько обозначить социально-экономическую обусловленность данного института межрегиональной интеграции.

В первую очередь, следует чётко определить такие понятия, как «межрегиональная интеграция» и «институт межрегиональной интеграции», а также рассмотреть их роль в региональной политике.

Межрегиональная интеграция – это процесс сближения, взаимопроникновения воспроизводственных процессов двух и более регионов, ведущий к образованию межрегиональных систем [5; 6]. Она является одной из главных задач региональной политики [4; 6] и представляет собой тот инструмент, с помощью которого можно улучшить социально-экономическое положение, благосостояние, развитие территории и населения.

Институт межрегиональной интеграции – форма общественного устройства, направленная на осуществление функций по достижению межрегиональной интеграции, т. е. это некое учреждение, механизм, посредством которого может быть достигнуто благополучие населения и территории.

Как известно, федеральные округа не являются субъектами или иной конституционной частью административно-территориального деления России и созданы по аналогии с военными округами и экономическими районами, хотя и не совпадают с

ними по количеству и составу [11]. Тем не менее, практически совпадая с экономическим районированием, федеральные округа качественно выигрывают в плане развития территорий, так как предельные значения социально-экономических показателей по федеральным округам различаются между собой меньше, чем аналогичные показатели по экономическим районам [9; 10].

С управленческой точки зрения конечная цель существования федеральных округов видится в организации эффективного администрирования, оптимизации и окончательной перестройке большинства территориальных структур федеральных органов государственной, прежде всего исполнительной, власти по надсубъектному, межрегиональному принципу [8], что необходимо как для ограничения влияния местных властей на федеральные структуры, так и повышения действенности территориальных органов федеральных государственных органов, снижения дублирования и улучшения координации их деятельности.

Однако при этом федеральные округа представляют собой не просто административные, а культурно-исторические и географические категории, обусловленные историческими и экономическими предпосылками. Появление в виде федеральных округов мощных территориально-экономических комплексов содействует поступательному развитию, выравниванию социально-экономических различий, хозяйственной и политической интеграции субъектов Федерации, создаёт систему крупномасштабных, много- и разноресурсных сегментов единого экономического и правового пространства. Если рассматривать каждый из них как своеобразный народнохозяйственный комплекс со своей исторической, природной и экономической спецификой и производственным потенциалом, то раскрываются значительные резервы перестройки и подъема экономики страны [8].

Федеральные округа с данной точки зрения нацелены на содействие объединению федеральных и региональных ресурсов, направляемых на социально-экономическое развитие субъектов Федерации, совместному решению региональных экономических проблем в случае неспособности субъектов России разрешить их самостоятельно, а также развитию производственных сил на межрегиональном уровне. Следует отметить, что, координируя с помощью федеральных округов свои усилия, субъекты России могут решать самостоятельно, не привлекая существенные средства из финансового бюджета, некоторые вопросы социально-экономического развития территорий. Наряду с этим федеральные округа дают толчок развитию надсубъектным трансграничным связям, выравнивая асимметрию социально-экономического развития регионов, что, по сути, является возможностью оптимизировать социально-экономическое развитие страны и субъектов [8].

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что создаваемые как административные единицы федеральные округа, по сути являются жёсткими институтами межрегиональной интеграции, направленными на улучшение благосостояния населения, что отражает социально-экономическую целесообразность деятельности федеральных округов в качестве института межрегиональной интеграции.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 21 июня 2000 г. N 1149 "Вопросы обеспечения деятельности аппаратов полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах".
2. Указ Президента РФ от 13 мая 2000 г. N 849 "О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе".
3. Указ Президента Российской Федерации от 19 января 2010 г. N 82 "О внесении изменений в перечень федеральных округов, утверждённый Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. N 849, и в Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2008 г. N 724 "Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти"
4. Алехин Э.В. Региональная экономика и управление: учебное пособие. П.: ПГУ, 2007.
5. Богданова О.П. Геополитическая необходимость межрегиональной интеграции в России // Проблемы современной экономики: экономические проблемы регионов и отраслевых комплексов. N 2 (30). 2009.
6. Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Основы региональной политики: учебник. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1998.
7. Коваленко Е.Г. Региональная экономика и управление, 2005.
8. Черкасов К.В. Федеральные округа в Российской Федерации: состояние и тенденции развития // Законодательство и экономика. 2009.
9. Савельев В. Развитие федеральных округов (макроэкономический прогноз) // Обозреватель. N 10. 2001. С. 44–47.
10. Скатерщикова Е. Федеральные округа – новые экономико-географические и социально-экономические образования // Российский экономический журнал. 2000. N 11-12. С.78.
11. URL: http://ru.wikipedia.org/Федеральные_округа_Российской_Федерации

АНАЛИЗ РЫНКА ТРУДА

М. И. Белоусова, Р.Р. Ураев

**Башкирский государственный аграрный университет
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия**

Summary. The theme chosen by me I consider actual as the Labour ket — sphere where businessmen and workers in common carry on negotiations, collective or individual, concerning a salary and working conditions.

Key words: labor market; labor; salary; resource; social prestige.

Выбранную мной тему я считаю актуальной, так как рынок труда – сфера, где предприниматели и трудящиеся совместно ведут

переговоры, коллективные или индивидуальные, относительно заработной платы и условий труда (по определению Международной организации труда).

Рынок труда – это система конкурентных связей между участниками рынка (предпринимателями, трудящимися и государством) по поводу найма, использования работника в общественном производстве.

Объектом купли-продажи на рынке труда является право на использование рабочей силы, предметом торга является определённый вид способностей человека и продолжительность его применения.

Принципиальное отличие труда от всех других видов производственных ресурсов в том, что он является формой жизнедеятельности человека, реализации его жизненных целей и интересов [1].

Рассматривая ситуацию на рынке труда в РФ, хотелось бы сказать, что в 90-е годы безработица в России носила массовый характер. Самый высокий уровень безработицы в нашей стране был зафиксирован в 1995–2000 гг. – до 7 млн чел. имели официальный статус безработных. В период с 2002 по 2007 год уровень безработицы в РФ ежегодно снижался. А в 2007 году была достигнута минимальная отметка – 4,2 млн чел. На данный момент Правительство прогнозирует снижение безработицы в 2012 году до 6,6 с 6,8 % в 2011 году. Сентябрьский уровень безработицы в России равен 6 %. Число безработных в месячном исчислении снизилось на 57 тыс. человек (1,2 %). По сравнению с сентябрем 2010 года количество безработных упало на 5,6 %. По состоянию на конец сентября текущего года на бирже труда – по прогнозам Департамента трудовых отношений и государственной гражданской службы Минздравсоцразвития России – численность трудоспособного населения к 2016 году уменьшится на 9,8 млн человек и будет составлять 58 % в общей численности населения. Такая ситуация сохранится вплоть до 2030 года [2].

Ведь рынок труда испытывает колоссальное влияние со стороны различных субъектов трудовых отношений: это и профсоюзы, отстаивающие интересы наёмных работников, и государство, поддерживающее интересы как работников, так и работодателей – посредством специализированных организаций и законодательного регулирования трудовых отношений, и предпринимательские объединения, создающиеся в противовес профсоюзам.

Библиографический список

1. Адамчук В.В., Томашов О.В., Сорокина М.Е. Экономика и социология труда. М.: Бинوم-Пресс, 2005. С. 12–68.
2. Базаров Т.Ю. Управление персоналом организаций. М.: Проспект, 2006. 197 с.

ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

М.И. Белоусова, З.М. Хасанов

Башкирский государственный аграрный университет
г. Уфа, Россия

Summary. One of the major resources of development of a municipal complex in the conditions of market economy is the labor potential on which effective utilization the quantitative characteristic of scales of a public product of municipal unions, rates of economic growth of a municipal industrial-economic complex depends.

Key words: labor potential; municipal union; labor market; negative tendencies; salary.

Одним из важнейших ресурсов развития муниципального комплекса в условиях рыночной экономики является трудовой потенциал, от эффективного использования которого зависит количественная характеристика масштабов общественного продукта муниципальных образований, темпы экономического роста муниципального производственно-хозяйственного комплекса.

Вместе с тем современная практика управления муниципальными образованиями показывает, что трудовой потенциал используется недостаточно эффективно: низкий уровень заработной платы, являясь одной из причин миграции высококвалифицированных специалистов (получивших образование и квалификацию в местах проживания), приводит к обеднению его трудового потенциала как количественно, так и качественно; доля трудоспособного населения с доходами ниже прожиточного уровня составляет более 1/3 и провоцирует социальные конфликты. Всё это актуализирует проблему совершенствования управления трудовым потенциалом муниципального образования.

В рыночной экономике, как показывает западная и отечественная практика, одним из инструментов механизма управления трудовым потенциалом является прогнозирование [2].

Разработка теоретико-методологических основ прогнозирования трудового потенциала на муниципальном уровне, методики осуществления процесса прогнозирования позволит органам местного самоуправления определить конкретные меры, направленные на разрешение противоречий, сложившихся на местном рынке труда, принять обоснованные решения для развития трудового потенциала как важного ресурса для обеспечения экономического роста муниципального комплекса [4].

Отмеченные негативные тенденции в развитии трудового потенциала муниципального образования, актуальность прогнозирования, которая в значительной степени связана с недооценкой органами местного самоуправления возможностей использования тако-

го метода воздействия на развитие трудового потенциала, недостаточная исследованность данной проблемы, её теоретических и практических аспектов обусловили выбор темы исследования.

Актуальность указанных проблем, их недостаточная теоретическая разработанность на муниципальном уровне, большая практическая значимость и определили выбор темы, цель, основные направления и задачи исследования.

Библиографический список

1. Атаманчук В.Т. Теория государственного управления: учебное пособие. М.: Омега-Л, 2008. 324 с.
2. Бабич А.М. Муниципальное право: учебник. М.: Финансы: ЮНИТИ, 2009. 224 с.
3. Баранова Л.Г. Местное самоуправление: учебное пособие. М.: Перспектива: ИНФРА-М, 2009. 424 с.

ПРИВЛЕЧЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ К УЧАСТИЮ В ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В.А. Солодова

**Институт социальных наук Иркутского государственного
университета, г. Иркутск, Россия**

Summary. This article reflects on the low level of development of innovation sphere in Russia nowadays and its prospects. The need of accounting the differences in the levels of regional development is pointed out. The main driving force of this area is considered students.

Key words: innovation; young people and innovation; regional differences; government support of innovation.

На сегодняшний день развитие и поддержка инновационной сферы является приоритетным направлением деятельности и политики многих государств. Инновация – это не всякое новшество или нововведение, а только такое, которое серьёзно повышает эффективность действующей системы [1]. Подобные новшества являются движущей силой развития национальных экономик и их конкурентоспособности, притом в будущем их роль возрастёт. Для России развитие инновационной сферы актуально также ввиду того, что экономика страны в значительной степени зависима от реализации природных ресурсов, развитие же данной сферы может стать достойной альтернативой сырьевой зависимости. Человеческий фактор является основным в вопросе развития и поддержки инноваций в стране. Конечно, в России работает достаточно большое количество учёных с богатым научно-исследовательским опытом, которые

внесли свой вклад в развитие инновационной сферы, но, подходя к данному вопросу с перспективой на будущее, нужно делать упор на студенческую молодёжь. При этом современную молодёжь необходимо привлекать к научной работе и участию в инновационных проектах, оказывать поддержку в создании ими собственных проектов в будущем. Молодёжь – самая творческая и креативная часть населения, обладающая огромным потенциалом. Главной задачей высших учебных заведений является выявить, развить этот потенциал и направить его в правильное русло.

Последние годы ознаменовались тенденцией повышения роли регионов в рамках инновационного развития. Это объясняется наличием больших различий в уровнях инновационного развития и развития регионов в целом. Так, к центрам инновационных разработок можно отнести такие города, как Новосибирск, Москва, Санкт-Петербург. Существуют также промышленные зоны, но большинство субъектов РФ характеризуются низким уровнем инновационных разработок. При этом именно политика становления и поддержки данной сферы могла бы стать перспективным путём развития субъектов-реципиентов. Ещё одним аспектом развития инновационной сферы является её финансирование. С введением финансирования на конкурсной основе ситуация усложняется. Таким образом, финансовые потоки перераспределяются в основном в сторону инновационных центров, снижая возможность развития инновационной периферии. Необходимо отметить, что государственная поддержка инновационной деятельности ведётся достаточно активно. Государство оказывает поддержку молодёжным инвестиционным проектам посредством выплаты грантов и субсидий, проведения ряда массовых мероприятий. Сегодня, к сожалению, наблюдается широкая поддержка в денежном эквиваленте при игнорировании основного человеческого фактора. Попытка искусственного создания инновационного центра в Сколково пока не дала желаемого результата. Стоит подчеркнуть важность поддержки зарождающихся естественным путём очагов инновационной деятельности в регионах. Начать нужно именно с молодёжи, студенческой молодёжи, их привлечения к инновационной деятельности, поддержки уже имеющих молодых новаторов и их разработок.

Можно говорить о различных способах привлечения молодых к участию в инновационной деятельности. Среди них необходимо назвать привлечение преподавателем студентов к участию в инновационных проектах, дальнейшую помощь в качестве научного руководителя; создание бизнес-кружков на базе учебных заведений, позволяющих студентам разрабатывать и продвигать собственные проекты. К этому стоит также добавить необходимость разработки новых и поддержки уже имеющих региональных программ по поддержке инновационных проектов молодёжи.

Таким образом, на сегодняшний день для России характерно наличие достаточно слабо развитой инновационной сферы и низкого уровня её поддержки. При этом в стране имеется хороший научный потенциал в лице студенческой молодёжи, которую необходимо привлекать к инновационной деятельности, есть финансовые средства. Проблема же заключается в неэффективности работы всей системы разработки, развития и поддержки инноваций в целом. Вопрос о модернизации данной системы актуален в последнее время ввиду всего сказанного. От способности России разрабатывать и реализовывать инновационные проекты зависит конкурентоспособность её рынка в будущем.

Библиографический список

1. Милославский И. Новизна с последствиями // Известия: сетевой портал. 2009. URL: <http://www.izvestia.ru/news/349367>

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ И МЕТОДОВ РАЗВИТИЯ МАЛОГО БИЗНЕСА

В.Б. Бокарева

Современная гуманитарная академия, г. Москва

Summary. In article on the basis of the structurally functional approach social technologies of increase of efficiency of activity of small business are considered. Such technologies concern: traditions of business, competition, selective, social monitoring, social designing, social forecasting, information-communication.

Key words: social technologies; small business; social management.

На основе структурно-функционального анализа было выявлено, что социальные технологии поддержки и развития малого бизнеса позволяют значительно повысить эффективность его деятельности.

1. Традиции предпринимательства как социальные технологии представляют собой формирование социального и культурного наследия, передающегося от поколения к поколению и воспроизводящееся в течение длительного времени. Традиции предпринимательства включают в себя объекты социокультурного наследия; процессы социокультурного наследования; способы этого наследования. В качестве традиций выступают определённые культурные образцы, институты, нормы, ценности, идеи, обычаи, обряды, стили и т. д. [1].

2. Конкурсно-состязательные социальные технологии являются организованными соревнованиями на первенство в чём-либо [2].

3. Селективные социальные технологии направлены на выведение новых форм и методов деятельности в малом бизнесе, взаимодействия предпринимателей с другими социальными группами и оптимизацию существующих.

4. Социальный мониторинг малого бизнеса как социальная технология представляет собой процесс систематического изучения малого бизнеса социального объекта, анализа и оценки его состояния, прогнозирования и контроля происходящих изменений.

5. Социальное проектирование развития малого бизнеса является концептуально оформленной, теоретически обоснованной, технологически обеспеченной деятельностью по созданию образа будущего, соответствующего определённым целям, системы обеспечения процесса развития малого бизнеса.

6. Технология социального прогнозирования в малом бизнесе – это определение вариантов развития и выбор наиболее приемлемого, оптимального, исходя из ресурсов, времени и социальных сил, способных обеспечить их реализацию.

7. Информационно-коммуникационные социальные технологии направлены на совершенствование процесса передачи информации, включающего адресанта, каналы, кодирование, дешифровку, содержание, эффективность, контроль, ситуацию, намерение, адресата [3].

Так, целями реализации социальных технологий совершенствования структурно-функциональных механизмов и методов развития малого бизнеса являются: создание благоприятных социально-экономических условий для устойчивости и развития системы малого бизнеса; содействие малому бизнесу на всех этапах его развития; выявление наиболее эффективных и перспективных предприятий малого бизнеса.

Социальная технологизация развития структурно-функциональных механизмов и методов совершенствования социального управления различными категориями предприятий малого бизнеса с целью повышения эффективности их деятельности основывается на категориальном подходе.

Для потенциальных предпринимателей характерны следующие проблемы, обусловленные недостаточным развитием социальных технологий: нестабильность социально-экономических условий; отсутствие первоначального капитала, сложности с его получением; дефицит доступной и достоверной информации о состоянии и перспективах развития социальных, экономических, культурных и политических условий, рыночных ниш, отраслей для предпринимателей.

Для развивающихся предпринимателей характерны следующие проблемы, обусловленные недостаточным развитием социальных технологий: несбалансированная инфраструктура поддержки малого бизнеса; недостаточный профессионализм и уровень обра-

зования; отсутствие единой системы ценностей и традиций российского предпринимательства.

Для успешных малых предпринимателей характерны следующие проблемы, обусловленные недостаточным развитием социальных технологий: высокая стоимость ресурсов; несовершенство антимонопольного законодательства; необходимость внедрения новых технологий и разработок.

Таким образом, социальные технологии совершенствования структурно-функциональных механизмов и методов развития малого бизнеса направлены на содействие в решении проблем малых предпринимателей всех категорий.

Библиографический список

1. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/fil/t/traditsii.html>
2. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/ushakov/s/sostjazanie.html>
3. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/soc/r/kommunikatsija.html>

РЕЛИГИЯ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

Е.М. Лемешева

**Казанский государственный университет
культуры и искусств,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия**

Summary. the article is devoted to the problem of the study of religion as a factor of development of the social potential of the region. Examines the definition of the terms «social capabilities», «religion» in the framework of the sociology of regions. The theoretical-methodological approaches to the study of this problem.

Key words: region; social potential; religion; major faith traditions; development of the region.

Современная Россия – это динамично развивающаяся система, одной из черт которой является экономическая, политическая и культурная дифференциация регионов, связанная в первую очередь с разнородностью региональных социальных потенциалов.

Социологический словарь определяет социальный потенциал как «целостную характеристику возможностей реализации человеком своих внутренних сущностных сил, а также комплекс условий и факторов использования обществом способностей, талантов, навыков и умений его членов» [1]. В широком смысле слова социальный потенциал – это цельная характеристика всей суммы возможностей. Как субъективных (внутренние, личностные силы), так и объективных (способность социума создавать условия для реализации разнообразных потенций людей). Взаимосвязанная совокупность объек-

тивных возможностей общества (региона, города, района) образует социальный потенциал в узком смысле слова. Религия здесь выступает как один из компонентов духовной сферы, оказывающий сильное и неоднозначное влияние на процесс генезиса, накопления и реализации социального потенциала региона. Она «может служить вмес­ти­ли­щем самых разных по своему социально-нравственному содержанию ценностей и норм и в зависимости от этого быть либо позитивным, либо негативным фактором в формировании и использовании социального потенциала» [2].

Социология рассматривает религию как сложное социокультурное образование, которое не может быть однозначно определено. Религия, с одной стороны, это «институт, включающий систему социальных норм, установленных обычаев, верований и ритуалов (культов), основанных на вере в сверхъестественное» [3]. С другой стороны – «мировоззрение и поведение группы, общности, которые определяются верой в существование сверхъестественного» [3]. Мы исходим из понимания религии как социально организованной веры в священное и основанный на ней способ практически – духовного освоения мира. В рамках исследования религии как фактора качества социального потенциала региона могут быть рассмотрены: комплекс морально – нравственных норм, «встроенный во всякую систему религиозных взглядов» [4], а также верующие, отдельные индивиды, их группы и организации, ориентирующиеся на эти нормы в своём священном и мирском поведении.

Взаимосвязь экономического, политического и духовно – религиозного развития регионов был рассмотрен ещё М. Вебером в «Хозяйственной этике мировых религий». В данной работе немецкий социолог анализирует содержание религиозно-этических систем иудаизма, конфуцианства, буддизма, индуизма, христианства и ислама на предмет наличия в них «практических импульсов к действию» [5]. С помощью анализа комплекса исторических примеров Вебер показывает сложные взаимосвязи, которые существуют между нравственными принципами вероучений, хозяйственной этикой и производственной деятельностью приверженцев религиозных систем. Социолог утверждает, что одним из детерминантов хозяйственного этоса является «религиозная обусловленность жизненного поведения» [5]. Так, в частности, стремление к спасению в рамках угодной Богу профессии стало источником успехов в практически хозяйственной деятельности пуритан.

В нашем случае социальный потенциал (инновационно-предпринимательский, интеллектуальный, ценностный, профессионально-квалификационный) может рассматриваться как аналог скрытых внутренних возможностей индивида к ведению рациональной хозяйственной и иной социальной деятельности, активировать который способны множество различных факторов и условий.

Одним из них является религиозная система морально-нравственных ценностей, которая проповедует «спасение души», «вечное блаженство в раю» или нечто подобное посредством и за счёт рационально организованной земной, посюсторонней социальной деятельности, в том числе и деятельности хозяйственной. Глубокая убеждённость, вера в существование такой взаимосвязи способна умножить физические и интеллектуальные усилия индивида, сделать его труд более производительным и качественным. В связи с этим вопрос о роли религии в формировании социального потенциала регионов России остаётся весьма актуальной и продуктивной темой для изучения.

Библиографический список

1. Грицанов А.А., Абушенко В.Л., Евелькин Г.М. Новейший социологический словарь. Мн.: Книжный Дом, 2010. С. 769.
2. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М.: Издательство ЛКИ, 2007. С. 107.
3. Садовников О.К., Згурский Г.В. Новейший словарь религиоведения. Ростов н/Д: Феникс, 2010. С. 325.
4. Красников А., Элбакян Е. Особенности современного регионоведения // URL: [http:// www.religare.ru/ analytics4206.htm](http://www.religare.ru/analytics4206.htm) (дата обращения: 15.01.2012).
5. Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Избранные произведения. М.: Юристъ, 1994. 704 с.

РАЗВИТИЕ ВОЛОНТЁРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В Г. БЕЛГОРОДЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

И.С. Хализева

**Белгородский государственный университет,
г. Белгород, Россия**

Summary. Social and economic conditions in which we now are, does children, teenagers and young men by more pragmatic. Volunteer activity in Belgorod endures now "blossoming". Sociological researches mark steady growth of interest of youth to creation of new youth associations. At municipal level, in particular, in Belgorod, it is possible to present help system in the form of set of bodies and the establishments united by the uniform purpose and problems of the organization of the help of mercy.

Key words: Volunteer activity, Belgorod, help system.

Вопрос о потенциале использования молодёжной волонтерской деятельности может рассматриваться как минимум в двух аспектах: влияние молодёжного волонтерства на конкретно-историческую ситуацию, сложившуюся в обществе; влияние волонтерства на саму личность молодого человека, включающегося в данную деятельность [3].

Социально-экономические условия, в которых мы сейчас находимся, делает детей, подростков и молодых людей более прагматичными, и чтобы организовать их на бесплатную работу, необходимо затратить определённые усилия. Далеко не каждый молодой человек способен стать добровольцем, но в силу религиозных и национальных особенностей (стремление человека помогать нуждающемуся, попавшему в беду), добровольчество может достаточно успешно развиваться в сочетании со стремлением к самореализации своих собственных интересов.

Волонтерская деятельность в г. Белгороде переживает в настоящее время свой «расцвет» – созданы добровольческие организации, ведутся работы по многим направлениям, начиная от работы в детских домах и озеленения территорий, и заканчивая помощью в домах престарелых [2].

Систему волонтерской деятельности молодежи на муниципальном уровне, в частности, в г. Белгороде, можно представить в виде совокупности органов и учреждений различной ведомственной подчинённости, объединённой единой целью и задачами организации волонтерства.

Следует отметить, что социологические исследования отмечают устойчивый рост интереса молодежи к созданию новых молодежных объединений. Именно поэтому государственные молодежные структуры в последнее время уделяют большое внимание инициированию и поддержке молодежных общественных организаций.

В ходе социологического исследования на тему: «Участие молодежи в волонтерском движении (г. Белгород)» было опрошено 274 студента БелГУ, 97 студентов БУПК, всего 371 респондент [4].

Анализ результатов анкетирования опроса подтвердил все гипотезы, предложенные ранее:

- улучшение организации волонтерской работы зависит от выявления проблем в организации волонтерской работы среди молодежи и определения условий её улучшения. Проблемы в организации волонтерской работы среди молодежи предположительно связаны с неизученностью потребностей в бесплатной социальной помощи, несформированностью системы волонтерской работы в г. Белгороде, неразработанностью технологии волонтерской работы.

- организация волонтерской работы зависит от кадров, способных организовать эту работу.

Таким образом, большинство опрошенных студентов либо несколько раз оказывали волонтерскую помощь (32 %), либо только во время проведения акций (29,7 %), меньшая часть студентов оказывает волонтерскую помощь систематически (11 %). Больше количество студентов участвует в волонтерской работе первый год (39 %). Почти столько не участвуют вовсе (36 %), но многие из них хотели бы участвовать в волонтерстве. Основными

проблемами в организации волонтерской деятельности, по мнению студентов, являются следующие: нет ясной информации о виде работ, недостаточно стимулов, внимания к волонтерам, не обеспечиваются необходимыми средствами, нет системности, работа носит эпизодический характер. Работа волонтеров не освещается в СМИ, и т. д. Хотя в последнее время налаживается координационная работа с волонтерскими организациями и отрядами. СМИ активно сотрудничают с организациями и благоприятно действуют на подрастающее поколение: реклама добровольчества, помощи другим людям, воспитание в молодёжи нравственности и милосердных качеств.

Можно сказать, что по результатам опроса респондентов подтвердилась основная проблематика. Выявился результат анализа состояния волонтерской работы студенческой молодёжи.

В заключение можно сказать, что волонтерская деятельность способствует изменению мировоззрения самих людей и тех, кто рядом с ними. Она приносит пользу как государству, так и самим волонтерам, которые посредством своей деятельности развивают умения и навыки, удовлетворяют потребность в общении и самоуважении, осознают собственную полезность и нужность, за труд получают благодарность, развивают в себе важные личностные качества, на деле следуют моральным принципам и открывают более духовную сторону жизни.

Библиографический список:

1. Алещенок С. В. Из опыта поддержки общественных инициатив и добровольчества. М.: Беловодье, 1998. 91 с.
2. Гордилова О.А., Гнездилова М.С., Лахнова В.В. Волонтерство как социальный феномен. Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2008. 148 с.
3. Социальная работа с молодёжью: учебное пособие / под ред. д. п. н. проф. Н. Ф. Басова. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К». 2007. 382 с.
4. Холостова Е.И. Теория социальной работы. М.: ИНФРА-М, 2001. 334 с.

**План международных конференций,
проводимых вузами России, Азербайджана, Армении,
Белоруссии, Ирана, Казахстана, Польши, Украины и Чехии
на базе НИЦ «Социосфера» в 2012 году**

20–21 февраля 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Инновации и современные технологии в системе образования»** (К-8-2-12).

5–6 марта 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях»** (К-9-3-12).

10–11 марта 2012 г. Международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы современных политико-психологических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты»** (К-10-3-12).

15–16 марта 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность»** (К-11-3-12).

20–21 марта 2012 г. Международная научно-практическая конференция **«Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика»** (К-12-3-12).

25–26 марта 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований»** (К-13-3-12).

1–2 апреля 2012 г. Международная научно-практическая конференция **«Игра и игрушки в истории и культуре, развитии и образовании»** (К-14-4-12).

5–6 апреля 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Народы Евразии. История, культура и проблемы взаимодействия»** (К-15-4-12).

10–11 апреля 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы развития образования в XXI веке: профессиональное становление личности (философские и психолого-педагогические аспекты)»** (К-16-4-12).

15–16 апреля 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Информационно-коммуникационное пространство и человек»** (К-17-4-12).

20–21 апреля 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Социальные науки и общественное здоровье: теоретические подходы, эмпирические исследования, практические решения»** (К-18-4-12).

25–26 апреля 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Детство, отрочество и юность в контексте научного знания: материалы международной научно-практической конференции»** (К-19-4-12).

5–6 мая 2012 г. III международная научно-практическая конференция **«Теория и практика гендерных исследований в мировой науке»** (К-20-5-12).

10–11 мая 2012 г. Международная научно-практическая конференция **«Безопасность личности: состояние и возможности обеспечения»** (К-21-5-12).

15–16 мая 2012 г. III международная научно-практическая конференция **«Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия»** (К-22-5-12).

25–26 мая 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества»** (К-24-5-12).

1–2 июня 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Социально-экономические проблемы современного общества»** (К-25-6-12).

3–4 июня 2012 г. международная научно-практическая конференция **«Текст. Произведение. Читатель»** (К-45-6-12).

5–6 июня 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты»** (К-26-6-12).

10–11 сентября 2012 г. III Международная научно-практическая конференция **«Проблемы современного образования»** (К-27-9-12)

15–16 сентября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Новые подходы в экономике и управлении»** (К-28-9-12)

20–21 сентября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы»** (К-29-9-12)

1–2 октября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Иностранный язык в системе среднего и высшего образования»** (К-31-10-12)

5–6 октября 2012 г. III Международная научно-практическая конференция **«Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований»** (К-32-10-12)

10–11 октября 2012 г. Международная научно-практическая конференция **«Современная психология на перекрестке естественных и социальных наук: проблемы междисциплинарного синтеза»** (К-33-10-12)

15–16 октября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Личность, общество, государство, право. Проблемы соотношения и взаимодействия»** (К-34-10-12)

25–26 октября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов»** (К-36-10-12)

1–2 ноября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия»** (К-37-11-12)

5–6 ноября 2012 г. III Международная научно-практическая конференция **«Современные тенденции развития мировой социологии»** (К-38-11-12)

10–11 ноября 2012 г. Международная научно-практическая конференция **«Дошкольное образование в стране и мире: исторический опыт, состояние и перспективы»** (К-39-11-12)

20–21 ноября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования»** (К-41-11-12)

25–26 ноября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«История и культура славянских народов: достижения, уроки, перспективы»** (К-42-11-12)

1–2 декабря 2012 г. III Международная научно-практическая конференция **«Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях»** (К-43-12-12)

5–6 декабря 2012 г. Международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики лингвострановедческой лексикографии»** (К-44-12-12)

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛЕ «СОЦИОСФЕРА»

Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» публикует научные статьи и методические разработки занятий и дополнительных мероприятий по социально-гуманитарным дисциплинам для профессиональной и общеобразовательной школы. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Принимаются материалы по философии, социологии, истории, культурологии, искусствоведению, филологии, психологии, педагогике, праву, экономике и другим социально-гуманитарным направлениям. Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на русском и английском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера». Журнал «Социосфера» зарегистрирован Международным Центром ISSN (Париж), ему присвоен номер ISSN 2078-7081; а также на сайтах Электронной научной библиотеки и Directory of open access journals, что обеспечит нашим авторам возможность повысить свой индекс цитирования. **Индекс цитирования** – принятая в научном мире мера «значимости» трудов какого-либо ученого. Величина индекса определяется количеством ссылок на этот труд (или фамилию) в других источниках. В мировой практике индекс цитирования является не только желательным, но и необходимым критерием оценки профессионального уровня профессорско-преподавательского состава.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Наука
- В помощь учителю
- В помощь преподавателю
- В помощь соискателю

Объем журнала – 80–100 страниц.

Периодичность выпуска – 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Главный редактор – Борис Анатольевич Дорошин, кандидат исторических наук, доцент

Редакционная коллегия: Дорошина И. Г., кандидат психологических наук, доцент (ответственный за выпуск), Антипов М. А., кандидат философских наук, Белолипецкий В. В., кандидат исторических наук, Ефимова Д. В., кандидат психологических наук, доцент, Саратовцева Н. В., кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет: Арабаджийски Н., доктор экономики, доцент (София, Болгария), Большакова А. Ю., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия), Берберян А. С., доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения), Волков С. Н., доктор философских наук, профессор (Пенза,

Россия), Голандам А. К., заведующий кафедрой русского языка Гилянского государственного университета (Решт, Иран), Кашпарова Е., доктор философии (Прага, Чехия), Сапик М., доктор философии, доцент (Колин, Чехия), Хрусталькова Н. А., доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия).

Требования к оформлению материалов

Материалы представляются в электронном виде на e-mail sociosphera@yandex.ru. Каждая статья должна иметь УДК (см. www.vak-journal.ru/spravochnikudc/; www.jscc.ru/informat/grnti/index.shtml). Формат страницы А4 (210 x 297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, выравнивание по центру. В статьях методического характера следует указать дисциплину и специальность учащихся, для которых эти материалы разработаны. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке. После пропущенной строки следует аннотация (3–4 предложения) и ключевые слова на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Ссылки расставляются вручную. Объем представляемого к публикации материала (сообщения, статьи) может составлять 2–25 страниц. Заявка располагается после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации. Имя файла, отправляемого по e-mail соответствует фамилии и инициалам первого автора, например: **Петров ИВ** или **German P**. Оплаченная квитанция присылается в отсканированном виде и должна называться, соответственно **Петров ИВ квитанция** или **German P receipt**.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word 2003, тщательно выверены и отредактированы. Допускается их архивация стандартным архиватором RAR или ZIP.

Выпуски журнала располагаются на сайте НИЦ «Социосфера» по адресу <http://sociosphera.ucoz.ru> в PDF-формате.

УДК 94(470)"17/18"

**ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
Г. СЕМИРЕЧЕНСКА В XVIII–XIX ВВ.
В ОСВЕЩЕНИИ МЕСТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ**

И. И. Иванов

**Семиреченский институт экономики и права,
г. Семиреченск, Республика Хакасия, Россия**

**QUESTIONS OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT
OF SEMIRECHENSK IN XVIII–XIX
IN VIEW OF LOCAL PERIODICAL PRESS**

I. I. Ivanov

**Semirechensky Institute of Economics and Law,
Semirechensk, Republic of Khakassia, Russia**

Summary. This article observes the periodicals of Semirechensk as written historical sources for its socio-economical history. Complex of publications in these periodicals are systematized depending on the latitude coverage and depth of analysis is described in these problems.

Key words: local history; socio-economic history; periodicals.

Некоторые аспекты социально-экономического развития г. Семиреченска в XVIII–XIX вв. получили достаточно широкое освещение в местных периодических изданиях. В связи с этим представляется актуальным произвести обобщение и систематизацию всех сохранившихся в них пуб-

ликаций по данной проблематике. Некоторую часть из них включил в источниковую базу своего исследования Г. В. Нефедов [2, с. 7–8]. ...

Библиографический список

1. Богданов К. Ф. Из архивной старины. Материалы для истории местного края // Семиреченские ведомости. – 1911. – № 95.
2. Нефедов Г. В. Город-крепость Семиреченск. – М.: Издательство «Наука», 1979.
3. Рубанов А. Л. Очерки по истории Семиреченского края // История г. Семиреченска. – URL: <http://semirechensk-history.ru/ocherki>. – Дата обращения: 20.04.2011.
4. Семенихин Р. С. Семиреченск // Города России. Словарь-справочник. В 3-х т. / Гл. ред. Т. П. Петров – СПб.: Новая энциклопедия, 1991. – Т. 3. – С. 67–68.
5. Johnson P. Local history in the Russian Empire, the post-reform period. – New York.: H-Studies, 2001. – 230 p.

Сведения об авторе

Фамилия

Имя

Отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

Домашний адрес

Домашний или сотовый телефон

E-mail

Научные интересы

Согласен с публикацией статьи на сайте до выхода журнала из печати? **Да/нет** (оставить нужное)

Оплата публикации

Стоимость публикации составляет **150 рублей за 1 страницу**. Выпущенная в свет статья предусматривает выдачу одного авторского экземпляра. Дополнительные экземпляры (в случае соавторства) могут быть выкуплены в необходимом количестве из расчета 150 руб. за один экземпляр. **Оплата производится только после получения подтверждения о принятии статьи к публикации.**

Расчетный счет для перечисления денег

Получатель: **ООО Научно-издательский центр «Социосфера»**
р/с № 40702810000000002313 в ФАКБ «Инвестторгбанк» (ОАО)
«Пензенский» г. Пенза
ОГРН 1095837003239
ИНН 5837042277
КПП 583701001
БИК 045655722
к/с 30101810900000000722 в ГРКЦ г. Пензы ГУ Банка России по Пензенской области
Платеж: **ФИО автора**

Тел. (8412) 21-68-14, e-mail: sociosphere@yandex.ru
Главный редактор – Дорошин Борис Анатольевич.
Генеральный директор НИЦ «Социосфера» – Дорошина Илона Геннадьевна.

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА»

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок) – 50 рублей за 1 страницу *.
- Изготовление оригинал-макета – 30 рублей за 1 страницу.
- Дизайн обложки – 500 рублей.
- Печать тиража в типографии – по договоренности.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж	Цена в рублях за количество страниц				
	50 стр.	100 стр.	150 стр.	200 стр.	250 стр.
50 экз.	7900	12000	15800	19800	24000
100 экз.	10800	15700	20300	25200	30000
150 экз.	14000	20300	25800	32300	38200
200 экз.	17200	25000	31600	39500	46400

* **Формат страницы** А4 (210х297 мм). Поля: левое – 3 см остальные – 2 см; интервал 1,5; отступ 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman.

Тираж включает 16 экземпляров, подлежащих обязательной отсылке в Российскую книжную палату.

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

PsyJournals.ru
портал психологических изданий

ЖУРНАЛЫ по психологии **online**

Психологическая наука и образование
Архив за 1996–2010 г.г.

Консультативная психология и психотерапия
Архив за 1992–2010 г.г.

Культурно-историческая психология
Архив за 2005–2010 г.г.

Экспериментальная психология
Архив за 2008–2010 г.г.

Все журналы
включены в Перечень ВАК

онлайн подписка это

- Удобно
- Выгодно
- Современно

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ ДЛЯ ВУЗОВ И БИБЛИОТЕК:

- Годовая подписка на коллекции психологических журналов (архивы за 15 лет)
- Льготная подписка для постоянных печатных подписчиков
- Доступ к электронным архивам журналов со всех компьютеров организации
- Доступ к статистике обращений у журналам

Подробная информация

- Информация о подписке: (495) 608-16-27
- Заявка на тестовый доступ к журналам: test@psyjournals.ru
- Условия подписки: PsyJournals.ru/

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МГППУ

Научно-издательский центр «Социосфера»
Факультет бизнеса Высшей школы экономики в Праге
Факультет управления Белостокского технического университета
Семипалатинский государственный университет им. Шакарима
Пензенская государственная технологическая академия
Сургутский государственный университет

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ
СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Материалы II международной научно-практической
конференции 25–26 января 2012 года

Редактор Л. И. Дорошина
Корректор Е. Ю. Данилина
Оригинал-макет И. Г. Балашовой
Дизайн обложки Ю. Н. Банниковой

Подписано в печать 6.02.2012. Формат 60х84/16.
Бумага писчая белая. Учет.-изд. л. 5,98 п. л.
Усл.-печ. л. 5,56 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № 3/12.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»:
440026, г. Пенза, ул. Лермонтова, д. 34, ком. 201-В. (8412) 21-68-14,
web site: <http://sociosphera.ucoz.ru>,
e-mail: sociosphera@yandex.ru

Типография ИП Попова М. Г.: 440000, г. Пенза,
ул. Московская, д. 74, оф. 211. (8412)56-25-09